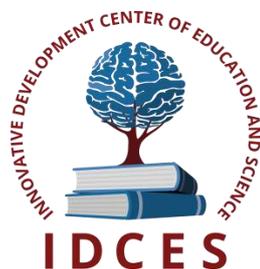

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Новые тенденции развития общественных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 августа 2016г.)**

**г. Ростов-на-Дону
2016 г.**

УДК 3(06)
ББК 60я43

Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. **Ростов-на-Дону**, 2016. 94 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчбасова Надежда Анатольевна (г. Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (Украина, г. Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г. Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г. Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г. Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г. Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (Украина, г. Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (Украина, г. Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г. Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г. Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г. Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат исторических наук Туфанов Евгений Васильевич (ст. Новомарьевская), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г. Пятигорск).

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции **«Новые тенденции развития общественных наук»**, г. **Ростов-на-Дону** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ СИЛ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1945 Г (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА) Краснощёков И.А.	6
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	13
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	13
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	13
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	13
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	13
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	13
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	13
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Шведова И.В.	14
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	19
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	19
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТЕОРИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ Григонис Ю.Э.	19
СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)	24
СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	24

СЕКЦИЯ №12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	24
СЕКЦИЯ №13. КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)	24
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	24
СЕКЦИЯ №14. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	24
ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Кухарчук Д.В.	25
СЕКЦИЯ №15. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	35
СЕКЦИЯ №16. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	35
СЕКЦИЯ №17. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)	35
СЕКЦИЯ №18. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)	35
СЕКЦИЯ №19. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	35
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)	35
СЕКЦИЯ №20. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)	35
СЕКЦИЯ №21. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	35
СЕКЦИЯ №22. ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	35
СЕКЦИЯ №23. ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	36
ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА В ДОКУМЕНТАХ ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА Галаганова С. Г.	36
СЕКЦИЯ №24. ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)	45
О НЕТАБЛИЧНОСТИ ДИЗЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω-ПАРАПОЛНОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА * Попов В. М.	45

О НЕТАБЛИЧНОСТИ КОНЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАНЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА *	
Попов В. М.	60
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	75
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	75
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ	
Золотарева Т.Н.	75
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА В РОССИИ	
Шматков Р. Н.	83
СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)	91
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	91
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	91
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	91

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ СИЛ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1945 Г

(НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА)

Краснощёков И.А.

Соискатель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток

Сложившаяся к началу Советско-японской войны (9 августа – 2 сентября) 1945 г. ситуация характеризовалась сложной обстановкой, выраженной реальной угрозой национальной безопасности СССР, связанной с наличием у границ Маньчжурии полноценного комплекса инженерных сооружений, предназначенных для ведения наступательных действий, а также значительных сил Квантунской армии. В статье рассматривается опыт взаимодействия советских войск, а именно пограничных и армейских соединений Приморского округа, осуществлявших подготовку к участию в разгроме оккупационных сил Японии.

Ключевые слова: Советско-японская война, советско-маньчжурская граница, пограничные войска, армейские соединения, Приморский пограничный округ, взаимодействие.

The situation at the beginning of the Soviet-Japanese war (on August 9 – on September 2) 1945 was characterized by the difficult position expressed by real threat of the national security of the USSR connected with presence at borders of Manchuria of a full-fledged complex of the engineering constructions intended for conducting offensive actions and also significant forces of Kvantunsky army. The

article deals with experience of interaction of the Soviet troops, namely the boundary and army connections of Primorsky district which were carrying out preparation for participation in defeat of occupational forces of Japan.

Keywords: Soviet-Japanese war, soviet-manchurian border, border troops, army connections, Primorsky boundary district, coordination.

Наиболее опасным с точки зрения расстановки сил и средств японских милитаристов на территории Маньчжурии являлось Харбино-Гириновское направление, планируемое для действий 1-го Дальневосточного фронта (Приморского пограничного округа), командующим которым был назначен маршал Советского Союза К.А. Мерецков, членом Военного совета – генерал-полковник Т.Ф. Штыков, начальником штаба – генерал-лейтенант А.Н. Крутиков[1]. На данном направлении были сосредоточены советские силы в составе 1-ой Краснознаменной, 5-ой, 25-ой, 35-ой общевойсковых и 9-ой воздушной армий, Чугуевской оперативной группы и 10-го механизированного корпуса. Всего свыше 530 тыс. чел., 1 974 танка, 10 619 орудий и минометов[2].

От командующего войсками 1-м Дальневосточным фронтом директивой от 28 июня 1945 г. № 11113 требовалось нанести главный удар в направлении городов Мулин и Муданьцзян с выходом на гг. Харбин и Чанчунь (силами 1-й Краснознаменной и 5-й армий, одного механизированного корпуса и одной кавалерийской дивизии), а вспомогательные удары – в направлении г. Мишань (силами 35-й армии) – гг. Хуньчунь и Аньту (частью сил 25-й армии) с целью выхода к портам Кореи Ранан, Сэйсин и Расин. Достижению целей замысла наступательной операции должны были способствовать внезапность, скрытность и оперативность действий советских войск, обеспечение которых было возложено на пограничные войска НКВД СССР Приморского округа[3].

Вопросам боевого взаимодействия и координации совместных усилий между пограничными и армейскими соединениями было уделено

повышенное внимание советского командования еще до нападения фашистской Германии на Советский Союз. Основы взаимодействия были раскрыты в ряде нормативных документов – постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 11 октября 1939 г. № 1749-439сс, приказе Народного комиссара ВМФ СССР от 25 октября 1939 г. № 0030/пр, инструкциях «О взаимодействии между частями пограничных войск и частями Красной армии» от 21 июня 1939 г., «По охране государственной границы на реках Амур и Уссури» от 25 апреля 1940 г.[4].

Опыт первых совместных с частями Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) боев на западной границе в 1941 г. способствовал разработке в годы Великой Отечественной войны уточняющих дополнений к существующим приказам. Например, в соответствии с директивой от 27 июня 1941 г. № 00139/оп по взаимодействию на Дальневосточном фронте, предусматривалось выделение отрядов погранподдержки (ОПП) численностью до стрелкового батальона с батареей (дивизионом) полевой артиллерии. Время, отводимое на готовность таких отрядов составляло 45 мин. Для Приморского пограничного округа в качестве ОПП были определены силы и средства 25-й армии. Каждый отряд имел 0,5 боекомплекта к артиллерийским орудиям, по одному носимому боекомплекту к винтовкам, по 4 ленты к каждому станковому и по 3 магазина к каждому ручному пулеметам[5].

Во всех пограничных отрядах Приморского округа были разработаны подробные инструкции, на основании которых составлялись план и схема боевого взаимодействия, расчет времени на сбор, занятие и сосредоточение ОПП, план боя. Основные документы отражали возможные варианты и предполагаемые действия оккупационных сил Японии, превентивные меры советских войск, маршрут и время прибытия ОПП, схему боевого управления, сигналы вызова, опознавания, радиосвязи и т.д. Накануне войны с японскими милитаристами вся документация была доработана и уточнена на всех уровнях. При действиях пограничников на направлениях главных

ударов РККА вопросы взаимодействия детально прорабатывались в звене «пограничный отряд – дивизия; пограничная комендатура – полк, батальон; отряд нападения – рота»[6]. Таким образом, задачи пограничникам были определены заранее и в зависимости от изменения обстановки порядок действий мог быть переработан и уточнен в кратчайшие сроки.

В апреле 1945 г. командование Приморского пограничного округа осуществило проверку боеготовности пограничников и уточнило планы ликвидации японских оборонительных позиций на советско-маньчжурской границе. Основным содержанием работы стали вопросы согласования начала боевых операций с командованием соединений РККА 1-го Дальневосточного фронта и наполнения конкретным содержанием плана проведения Харбино-Гириной наступательной операций[7].

Полное сосредоточение ударных группировок советской армий в полосе фронта было завершено в период с 12 по 15 июля 1945 г. Непосредственно перед началом наступательной операции в войсках был проведен большой объем работы по оборудованию пунктов управления. Например, только в 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта в период с 10 июля по 9 августа 1945 г. было оборудовано 40 пунктов управления: 3 армейских, 13 корпусных и дивизионных, 24 полковых[8].

21 июля 1945 г. пограничные войска Приморского округа были переведены на усиленный вариант охраны советско-маньчжурской границы с оперативным переподчинением командованием РККА. С этого момента командиры пограничных войск стали привлекаться к проведению рекогносцировок, в ходе которых поступали распоряжения на подготовку к боевым действиям. Органы управления 1-го Дальневосточного фронта стали системой высшего уровня, а органы управления войсками Приморского пограничного округа – структурным элементом данной системы[9].

Предполагалось, что руководство советскими войсками должно было осуществляться в сложных условиях, выраженных в большой ширине фронта, высоком темпе наступления, частом передислоцировании органов и

пунктов управления, нехватке постоянных линий и средств связи в оперативной глубине труднопроходимой территории Маньчжурии. Как оказалось в последующем, данные факторы оказали существенное влияние на вопросы взаимодействия пограничных и армейских соединений.

Штаб 1-го Дальневосточного фронта был расположен в г. Ворошилов, с началом Харбино-Гиринской наступательной операции в пади Сухая Речка (около с. Духовское), затем – в с. Духовском и с 27 августа 1945 г. – в г. Муданьцзян (Маньчжурия). Штабы армий перемещались по ходу операции вслед за войсками, расстояние между штабом 1-го Дальневосточного фронта и штабами армий составляло порой сотни километров при средних темпах наступления советских войск в пределах 8–10 км в сутки[10].

Полевые пункты управления армий, как правило, делились на два эшелона: 1-ый размещался на командном пункте армии. Здесь находились командующий армией, начальник штаба, оперативный и разведывательный отделы, узел связи. Также, развертывался главный пост наблюдения, оповещения и связи армии. Вблизи оборудовались площадки для подвижных средств связи. Во 2-ом (тыловом) эшелоне, который располагался от командного пункта армии на удалении 15–25 км, находились все остальные отделы и службы. В некоторых случаях оборудовался вспомогательный пункт управления, где находилась оперативная группа во главе с заместителем командующего армией. Они создавались в армиях, которые имели широкие полосы наступления (например, в 25-й, 35-й и 1-й Краснознаменной армиях) или для руководства войсками в период перемещения штабов[11].

Исследуя вопрос организации взаимодействия советских войск необходимо акцентировать внимание на том, что пограничные войска руководствовались «Уставом пограничной службы войск НКВД СССР (проект)». Так, начальник пограничного отряда устанавливал с командирами соединений и частей РККА, расположенных в приграничной полосе, порядок взаимодействия на каждом направлении участка отряда. Совместно

устанавливался и общий порядок передвижения частей РККА на участке отряда и опознавания их пограничными нарядами; оказания помощи нарядам при задержании нарушителей границы; введения усиленной караульной службы в период усиления охраны границы; взаимного информирования о всех проводимых в приграничной полосе учениях, стрельбах и других мероприятиях; связи между взаимодействующими подразделениями[12].

Пограничные отряды Приморского округа участвовали в обеспечении флангов и стыков между частями РККА перед началом Советско-японской войны. В соответствии с актом от 28 июля 1945 г. «Об обеспечении стыка между 1-й Краснознаменной армией и 5-й армией», за обеспечение стыка с 5-й армией отвечает командующий 1-й Краснознаменной армией генерал-полковник А.П. Белобородов. Стык обеспечивался со стороны армии – одним стрелковым батальоном 124-го полка 59-й стрелковой дивизии, усиленным батареей 120-мм минометов и пограничной заставой «Широкая». Батальон поддерживался артполком 217-й артбригады. Со стороны 5-й армии стык обеспечивался одним стрелковым батальоном 158-го полка 190-й стрелковой дивизии, усиленным горным артиллерийским дивизионом и пограничной заставой «Синтуха». Также, батальон поддерживался пушечным полком 218-й артбригады. Связь между батальонами обеспечивалась постоянной линией связи пограничных застав «Широкая» и «Синтуха» Гродековского отряда[13].

Вместе с тем, в процессе взаимодействия советских войск отмечались и некоторые упущения, выраженные в следующем. Штабы пограничных частей недостаточно оперативно руководили подчиненными подразделениями, а штаб войск пограничного округа в первые 2-3 дня войны добывал малоэффективные данные об обстановке, не был критичен к поступающей информации. Как результат, донесения об обстановке носили противоречивый характер, что периодически приводило к ошибкам при планировании и постановке приказов личному составу. Также, отмечалась боязнь командиров самостоятельно принимать частные решения. Порою

телеграфные переговоры по утверждению частных решений, уточнению обстановки и результатов боевых операций велись по 2,5 часа, несмотря на то, что основные задачи на случай начала боевых действий были тщательно спланированы заранее[14].

Таким образом, к началу боевых действий на советско-маньчжурской границе была создана разветвленная и многоуровневая система руководства пограничными и армейскими соединениями, включавшая расположенные недалеко друг от друга пункты и средства управления. Результативность Харбино-Гиринской операции зависела от слаженности действий советского командования. Основными способами руководства были личное общение командиров с подчиненными, наблюдение за полем боя и координация совместных усилий по разгрому японских милитаристов. Взаимодействие между пограничными и армейскими соединениями было организовано планомерно во всех звеньях. Наиболее успешно вопросы решались на участках с качественной связью и обменом информацией на уровне межличностных контактов среди командиров.

Список литературы

1. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Воениздат, 1985. С. 5–9.
2. История Второй мировой войны 1939-1945 гг.: в 12 т. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1980. – Т. 9. С. 198–200.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945 / под общ. ред. В.А. Золотарева. – М.: ТЕРРА, 1999. – Т. 16. С. 99–102.
4. Центральный пограничный архив ФСБ РФ (г. Пушкино, далее – ЦПА ФСБ РФ). – Фонд 220. – Описание 1. – Единица хранения 30. – Лист 100–107, 247, 409, 431.
5. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 231. – Оп. 1. – Ед. хр. 974. – Л. 64.
6. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 220. – Оп. 1. – Ед. хр. 744. – Л. 5–8, 93.
7. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 220. – Оп. 1. – Ед. хр. – 1128. – Л. 245.

8. Центральный архив Министерства обороны РФ (г. Подольск, далее – ЦА МО РФ). – Ф. 5-А. – Оп. 5047. – Дело 703. – Л. 108.
9. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Ед. хр. 37. – Л. 12.
10. ЦА МО РФ. – Ф. 234. – Оп. 3213. – Д. 397. – Л. 2–5.
11. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 87. – Оп. 1. – Ед. хр. 1002. – Л. 7, 15.
12. ЦА МО РФ. – Ф. 234. – Оп. 3213. – Д. 12. – Л. 11.
13. ЦА МО РФ. – Ф. 234. – Оп. 3213. – Д. 123. – Л. 1.
14. ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 231. – Оп. 1. – Ед. хр. 1010. – Л. 164.

СЕКЦИЯ №2.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

СЕКЦИЯ №3.

АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

СЕКЦИЯ №4.

**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)**

СЕКЦИЯ №5.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)

СЕКЦИЯ №6.

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СЕКЦИЯ №7.

**ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ
И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Шведова И.В.

ГБУК «Белгородский государственный музей народной культуры»,
г. Белгород

Художественный опыт, как чувственно-эмпирический процесс, сопровождает нас всюду, выявляя и обустривая наше индивидуальное место в общемировом пространстве культуры, прежде всего обусловленное конкретной культурно-исторической традицией и особенностями её развития во времени. Эмоциональное переживание действительности приковывает наше внимание к тем или иным её феноменам, вынуждая созерцать, доходить до сути. Мотивация к сохранению последующей частицы опыта возникает при определении «своего», которое становится частью собственного пространства, дополняет, органично встраивается в него. Так складывается традиция места, предполагающая повседневный процесс прочтения культурно-ценностных кодов сложившейся среды бытования, согласование образа действий с её особенностями, преемственность. Благодаря аккумуляции художественного опыта поколений в границах некогда существовавших этнических локусов созданы устойчивые системы кодов, определивших стилевые особенности искусства, глубокую укоренённость традиции и связанную с ней прочность исторической памяти. Но существует и та часть художественного опыта, которая постоянно обновляет этнокультурное пространство. Наиболее восприимчивой к разнородным влияниям сферой художественного опыта, которая постоянно провоцирует изменения, является искусство. А значит, задача изучения «места» в его историческом контексте сопрягается ещё и с отслеживанием обновляющих влияний в параллели с развитием художественных тенденций эпохи.

Сегодня сохранение этнокультурного наследия постепенно обретает новую актуальность для среды своих создателей, трансляторов и исследователей. С одной стороны, в обращении к этноренессансу можно увидеть шаги к экологизации и формированию софиосферного сознания в целом. Указывает ли это на попытки возрождения мифологического мирозерцания в новом ключе? Скорее, нет, речь идёт об историческом переосмыслении подходов к теме. В науке, наряду с другими, имеют место теории, согласно которым сама суть жизни в мире наполняют мифологические иллюзии. Так, например, в трактовке П.А. Плютто совокупность мифологических иллюзий рассматривается в качестве самой реальности культуры. Более того, миф как содержательная основа изначальных представлений о происхождении сущего, мире и месте человека в нём, выводится сегодня на позиции значимого, если не сказать фундаментального, пласта культуры конкретных государств в новой геополитической конкурентной борьбе, важным моментом которой является наращивание потенциала своего собственного, качественного «человеческого ресурса» (Б. Гройс). Не такие уж давние американско-европейские приоритеты «have a good time», в контексте молодёжного самоопределения, основательно рассеяли и сам потенциал, и мотивации к полноценному формированию этого стратегически важного для любой страны ресурса.

Второй момент, обозначающий актуальность этнической темы, – это связанная с развитием технологий проблема визуального поворота в культуре и необходимость поиска эффективных способов передачи её ценностных основ от поколения к поколению, вставшая уже в новом ракурсе и с учётом новых возможностей. Но новых ли?

Существует множество изобретённых социумом приёмов рекламной символики, рассчитанной на ориентацию в пространстве и в сфере продаж. Мир нематериальных ценностей остаётся сферой невербального воздействия за пределами визуальной коммуникации рекламных биллбордов. Но его атрибуции, как обоснование достижения душевно-психологического и

физиологического комфорта, широко эксплуатируются для повышения востребованности рекламных предложений. В то же время сами нематериальные ценности, требующие вдумчивого философского подхода и рассматриваемые, в частности, в сфере гуманитарных наук, практически невозможны сегодня для мгновенного усвоения. И здесь приобретает свои возможности для реализации наработанный нашими далёкими предками-визуалистами культурный багаж из веками складывавшейся традиции, предполагающей освоение наработанного опыта именно визуальным путём. Художественным языком символов записано всё пульсирующее движение жизни – её зарождение, расцвет, плодородная сила и умирание перед новым зарождением и расцветом. Символика орнамента, рассказывающая, в том числе, и о традиционных принципах человеческой общности, создания семьи, материальных и духовных составляющих семейной жизни, шифрует и «наговаривает» пожелания, молитвы о главном. Художественный язык народной культуры интересен современным дизайнерам, поклонникам философии стиля бохо и любителям hand made, собирающим и синтезирующим в своём творчестве чрезвычайно разрозненные культурные артефакты, ещё содержащие сведения о некогда стройной системе орнаментальных формул.

На примере текстильных фондов Белгородского государственного музея народной культуры можно видеть богатый потенциал имеющегося фактологического материала, наработанного культурной жизнью многочисленных переселенцев из других регионов России, обосновывавшихся здесь, на южном её порубежье, начиная с XVI века. В изучении тематических комбинаций регионального белгородского орнамента на протяжении ряда лет выявлены и те, в которых на двухмерной плоскости пространства выстроена своеобразная «сеть» человеческой общности, выражены общие представления о порядке и гармонии в мироздании. Данные сюжеты зафиксированы в орнаментации рукавов рубашек молодых женщин, тканых свадебных ковров и рушников. В рамках музейных уроков на протяжении трёх лет проводилась

апробация полученного материала, иллюстрирующего ценностные основы человеческого сосуществования и традиционного народного мировоззрения, выявлен глубокий интерес к нему со стороны учащихся общеобразовательных школ, педагогов, студенчества.

Параллельно в контексте исследования роли художественного опыта в создании этнокультурного пространства невозможно не затронуть выходящую за рамки регионального контекста тему костюма и возраста, где также выявляются характерные черты и традиционные предпочтения в орнаменте и цвете. Случайными их назвать невозможно, поскольку с использованием определённых цветов в одежде исторически связана не только формально предписывающая сторона традиции, но и тонкие психологические настройки, обеспечивающие состояние личного комфорта, очередного возрастного статуса, присущих ему жизненных задач.

Основная проблема формирования этнохудожественного опыта в XXI в. заключена, думается, в нивелированности смысла понятия «народная культура» в глазах большинства. Тем не менее, в поддержку народной традиции и возрождения былой обрядности нередко создаются изделия с безграмотно выполненной символикой, что закладывает совершенно иные, зачастую негативного содержания пожелательные контексты во время использования их в обрядной практике. Имеющиеся факты такого культурного практикума, особенно в отношении вновь создающихся семей, должны по возможности предупреждаться – а именно, путём приобретения знаний об используемых и принимаемых в дар изделий, отказа от их чисто декоративного применения. Здесь выходит на первый план проблема сопоставления понятий «декорирование» и «орнаментация», выявляющая их глубинный культурно-исторический контекст.

Художественные знаки, стоящие на вершине иерархии других знаков, – это произведения искусства, которые становятся бесконечным заданием для индивидуального переживания (В. Лехциер), а потому вынуждают мыслить, в конечном итоге делая духовно богаче и совершеннее. Таким образом,

актуальное искусство и наука в своих новых подходах на пути переоткрытия опыта прошлого приближают нас к заново осознаваемой сущности человеческого бытия-в-мире-знаков.

Список литературы

1. Гройс, Б.: За пределами США нельзя объяснить ничего, кроме Супермена. // Из выступления на конференции «Где черта между нами?». – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vozduh.afisha.ru/art/boris-groys-za-predelami-ssha-nelzya-obyasnit-nichego-krome-supermena/>
2. История Белгородчины. Серия «Библиотека белгородской семьи». / Коннов, Ю.В., Папков, А.И., Сарапулкин, В.А. и др.; под общей ред. Горошниковой В.В.. – Рыбинск: Медиарост, 2015. – 115 с.
3. Лехциер, В.Л., Введение в феноменологию художественного опыта. – Самара: Двадцать первый век. – 2002. – 236 с.
4. Некрасова, М.А. Проблема народного искусства и экология культуры // Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. – М.: НИИ теории и истории изобразительного искусства. – 1991. – 378 с.
5. Плюотно, П.А. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий. / Москва: РГГУ, 2009. – 342 с.
6. Привалова В.М. Орнамент как знаково-символический ритуал культуры: диссертация. – ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева». На правах рукописи. – Саранск, 2014.
7. Шведова И.В. Мировоззренческая основа народной культуры в её традиционной символике // Этнокультурное наследие Белгородчины: проблемы сохранения и изучения / Материалы областной научно-практической конференции / ГБУК «Белгородский государственный музей народной культуры». – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – 112 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТЕОРИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Григонис Ю.Э.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Современный уровень развития средств коммуникации, казалось бы, предоставляет самые широкие возможности для формирования общения и диалога, необходимых для реализации некоторых из теоретических моделей демократии. Ниже будет рассмотрена модель делиберативной демократии, в основе которой лежит идея коммуникативной рациональности, и ее интерпретации, возникшие уже в современных условиях развития технологий.

Одно из центральных понятий трудов Ю. Хабермаса – коммуникативная рациональность. С коммуникативной рациональностью напрямую связано понятие общественности, а через нее – понятие делиберативной политики. Общественность представляет собой ту часть сообщества, в которой реализуются непосредственно политические дискурсы. Политический дискурс в теории Хабермаса определяется как демократический, но отличный от классических представлений о демократии. Классические теории демократии исходят из программируемого воздействия общества на само себя через создание и применение закона, т.е. взаимосвязи права и политической власти, имеющих

функции взаимного поддержания. Хабермас же предлагает различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации и административно применяемую власть. Таким образом, в общественности происходят два противоположных, но перекрещивающихся процесса - нерепрессивное формирование легитимной власти через коммуникацию и обеспечение легитимности власти через административное давление на процессы коммуникации. Продуктивное взаимодействие этих процессов Хабермас видит в поддержании тесной связи либеральной культуры с институционально-нормативном осуществлении власти [4], то есть процедуры согласования мнений акторов, что приводит к достижению согласия и интеграции общества.

Однако акторы более не стремятся участвовать в коллективных действиях, т.к. социальная интеграция (интеграция жизненного мира) подавляется системной интеграцией (интеграцией систем общества и осуществлением административной власти), что может повлечь превращение демократии в декорацию.

В связи с изменившимися условиями Хабермас разрабатывает теорию делиберативной демократии, построенную на условиях коммуникации, достигающей разумных результатов. Объединяя способ принятия решений, предложенный либеральной теорией демократии, – консенсус – и способ, предложенный республиканской теорией демократии - этическое самосогласие, т.е. согласие, основанное на предположении приверженности граждан определенным этическим установкам, Хабермас предлагает идеальную процедуру совещаний и принятия решений, которая нацелена на достижение лучших разумных результатов за счет того, что она возвращается из области неких универсальных норм и правил в область дискурса отдельного жизненного мира и выстраивается на языковой коммуникации.

Коммуникация, как процесс формирования общественного мнения, происходит на арене, сформированной внутри и вне объединений, ориентированных на принятие политических решений, при этом большое внимание уделяется интерсубъективности процессов взаимопонимания.

Формируется коммуникативно созданная власть, которая посредством механизма выборов трансформируется в административную власть, т.к. коммуникативная власть не может выступать субъектом управления. Но важно перенесение акцента - сущность явленности политического перемещается на солидарность, сформированную в ходе делиберации [3].

Модель демократии Ю. Хабермаса носит нормативный характер, однако развитие средств коммуникации, и, в терминологии ученого, расширение арены взаимодействия, наделяет ее новым смыслом. Условия для делиберативной демократии созданы, вопрос заключается в готовности акторов принимать участие в обсуждении, занятии активной позиции, а также в административном контроле арены коммуникации.

Одним из вариантов уточнения и расширения концепта делиберативной демократии можно считать концепт дискурсивной демократии, предложенный Дж. Драйзеком. Он отмечает основные отличия двух концептов: в то время как делиберативная демократия предполагает учет определенного типа аргументов - выражающих общественное мнение, дискурсивная демократия провоцирует формы коммуникации, такие как повествование (*story-telling*) и риторическая полемика, которые порождают иные формы аргументации; если делиберативная демократия озабочена переводом коллективного мнения, созданного из индивидуальных мнений, в публичную сферу, то дискурсивная демократия признает, что коллективные решения являются продуктом соединения индивидуальных и общих интересов, которые могут измениться в ходе обсуждений, а выборы - не единственный способ принятия решений [5]. Таким образом, идеи делиберативной демократии, в основе которых лежат творчески переосмысленные принципы либеральной и республиканской демократии, перерастают в идеи дискурсивной демократии, еще более ориентированной на человека.

Так же в настоящее время набирают популярность идеи т.н. аудиальной демократии, которые подробно освещены в обзорной статье Т.

Вайзер «Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество». Подчеркивая необходимость коммуникации и процесса делиберации для эффективного функционирования демократии, теоретики нового направления обращают наше внимание на то, что в процессах коммуникации значительно большую роль для практического применения и теоретического осмысления играют процессы говорения, а не слушанья.

Т. Вайзер определяет аудиальную демократию как «демократию, для которой особое значение имеют слуховые практики публичной коммуникации, основанные на внимании к адресату речи и признании за ним равной ценности» [1]. Для обозначения этого концепта используется ряд синонимов: рецепторная, рецептивная, сенсорная демократия. Среди теоретиков, поднимающих проблему аудиальной демократии Николь Дерр, Романд Коулз, Сьюзен Бикфорд и др.

На наш взгляд, данный взгляд, являясь одной из ветвей критики делиберативной демократии как концепта, исключаящего из процесса принятия решений субъектов, лишенных возможностей политической речи, одновременно является и логическим продолжением этих идей. Предполагается, что частью обсуждения уже является восприятие высказанных мнений, но публичных арен для обсуждений становится все больше, а влияние участвующих в обсуждении все меньше – существующие механизмы перевода обсуждения в административные решения уже не справляются с потоком мнений, что может быть обусловлено как нежеланием слышать – игнорирование становится все более простым и удобным механизмом ухода от ответа благодаря необходимости фильтровать поступающую информацию, так и объективной сложностью адаптации к новым условиям взаимодействия. То есть обращение к слуху как к проблеме - способ обратить внимание на то, что современные коммуникационные средства, расширяющие публичную арену, представляют больше возможностей для делиберации, а административная власть, на данном

уровне развития институциональных механизмов, не способна учесть производимые мнения.

Концепт аудиальной демократии предусматривает переход к новой аудиальной культуре и этике, напоминающей нам о необходимости обращения к Другому. Теория предлагает выйти за пределы замкнутого круга производства множества неслышанных мнений и предлагает позитивный проект. Правительствам, государственным учреждениям, организациям и корпорациям предлагается расширить зону коммуникации с гражданами, образовательным учреждениям – развивать слуховое внимание, активное слушанье, т.к. слушанья является механизмом власти.

Вариации и дополнения теории делиберативной демократии, на наш взгляд, представляют скорее ее этические расширения, позволяющие максимально «очеловечить» процесс обсуждения и принятия решений. Возникновение таких идей может свидетельствовать о новом витке осмысления вопросов гражданского участия: граждане имеют право свободно высказаться, имеют возможности для этого, но теперь оказывается, что их не слышат, потому что не могут, либо не хотят. В связи с этим могут быть подняты вопросы механизмов осуществления власти, легитимации власти, компетентности политических акторов, этики политического участия. Не менее важными являются вопросы и об угрозах, которые таят новые технологии. Действительно ли они представляют собой «электронную агору» или влекут новые угрозы демократическим процессам? [2]

Список литературы

1. Вайзер Т. Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество // Логос. –Том 25. – № 6. – 2015. – С. 217.
2. Гуторов В. А. СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. Ч.2 // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. – Том 121. – №4. – 2013. – С.143.

3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. - СПб: Наука, 2001. – 419 с.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Издательский центр «АКАДЕМИА», 1995. – С. 47-52.
5. Fabre C. To Deliberate or to Discourse. Is that the Question? // European Journal of Political Theory. – № 2. – 2003. – P. 108

СЕКЦИЯ №9.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)**

СЕКЦИЯ №10.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)**

СЕКЦИЯ №11.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)**

СЕКЦИЯ №12.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)**

СЕКЦИЯ №13.

КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

СЕКЦИЯ №14.

**ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Кухарчук Д.В.

Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва

Доверие сегодня становится важнейшим фактором эффективности социальной коммуникации во всех без исключения сферах общественной жизни, что обуславливает растущий интерес к этому феномену со стороны представителей самых различных отраслей научного знания. Среди многочисленных работ, посвященных изучению доверия, значительное место занимают социологические исследования, существенно расширяющие научные представления о социальной природе данного явления, его роли в социальной организации общества. Современная социологическая литература по проблеме доверия характеризуется многообразием различных теоретических подходов, концептуальных установок, методологических принципов, систематизация которых представляется актуальной исследовательской задачей.

Научная разработка доверия в рамках социологического знания начинается в последние десятилетия XX века, когда в условиях глобальных перемен и усложнения социальной реальности особенно проявилась теоретическая и практическая значимость данной проблематики. Значительная часть современных социологических интерпретаций доверия опирается на концепцию социального капитала, значительный вклад в разработку которой внесли П.Бурдьё, Дж.Коулман, Р.Патнэм, Ф.Фукуяма и другие видные исследователи. Независимо от своих теоретических подходов представители этого научного направления рассматривают доверие как центральный элемент социального капитала. Так, в трактовке Дж. Коулмана социальный капитал выступает как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который целенаправленно сформирован в виде обязательств

и ожиданий, информационных каналов и социальных норм. В свою очередь Р. Патнэм полагает, что социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды.

Концепция обобщенного доверия как основы социального капитала нашла наиболее полное отражение в широко известной работе Ф. Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». Доверие этот специалист по теории постиндустриального общества определяет как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [7, с. 52]. Соответственно социальный капитал трактуется Ф.Фукуямой как определенный потенциал общественного взаимодействия, сложившийся в результате распространения отношений доверия в обществе. Приобретение социального капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких ценностей, как преданность, честность и надежность. Специфика социального капитала, его отличие от других форм капитала состоит в том, что он, будучи продуктом унаследованных культурных норм и ценностей, не может стать атрибутом отдельного человека и «вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [7, с. 54].

Анализируя взаимосвязь социального капитала и доверия в широком историческом и социокультурном контексте, Ф.Фукуяма приходит к выводу: один из важнейших уроков экономической жизни заключается в том, что благополучие нации, как и ее способность к конкуренции, обусловлены одной универсальной культурной характеристикой – уровнем доверия, присущим данному обществу [7, с. 20 -21]. Уровень доверия определяет темпы формирования и развития социального капитала, который непосредственно влияет на результаты хозяйственной деятельности и

представляет собой дополнительный фактор экономического роста, способствуя значительному снижению «операционных издержек», связанных с необходимостью создания механизма широкого договорного и правового регулирования отношений.

Различные формы проявления социального капитала Ф.Фукуямой рассматриваются через концепцию «радиуса доверия». Эта категория определяет круг лиц (или социальных групп), входящих в единую систему доверительных отношений. Для общества с низким уровнем доверия характерен фамилизм - акцент на семейных связях, которые рассматриваются единственной опорой индивида и основой всех социальных взаимодействий. В таких странах бизнес основывается либо на семейственности, либо создается с помощью государства. При этом сильная государственная власть препятствует образованию всевозможных добровольных объединений, видя в них возможных конкурентов в борьбе за влияние на массовое сознание людей. Напротив, общества с высоким уровнем и широким радиусом доверия, склонны к образованию всякого рода добровольных ассоциаций, в которых проще осуществляется переход от семейного бизнеса к большим частным корпорациям. В результате именно такого рода общества получают возможность накапливать потенциал в сфере организационных инноваций и более гибко адаптироваться к изменениям в технологиях и условиях рынка.

Проблема доверия и социального капитала сегодня все чаще анализируется в рамках сетевого подхода – нового направления, сформировавшегося в русле экономической социологии. Этот подход получил теоретическое обоснование в работах Р.Берта, М.Грановеттера, А.Портеса, А.Т.Конькова, В.В.Радаева и других зарубежных и отечественных исследователей. Общим постулатом сетевого подхода является понимание социального капитала как некоторой сущности, заключенной в системе социальных отношений индивидов в форме социальных сетей. Социальная сеть в данном случае рассматривается как достаточно устойчивая система связей индивидов на основе взаимных

интересов. Социальные сети способны предоставлять индивидам доступ к различным ресурсам и благам, а также аккумулировать и распределять эти ресурсы.

Наиболее известный представитель сетевого подхода в экономической социологии М. Грановеттер выделяет два вида социальных связей, присущих социальным сетям: сильные связи (семья, родственники, близкие друзья) и слабые (коллеги, приятели, знакомые и др.). Сила связи измеряется сочетанием времени, эмоциональной интенсивности контактов внутри сети, доверительности и взаимности отношений. Социологические исследования показывают, что более широкие возможности доступа к общественным ресурсам открывают слабые связи, которые охватывают индивидов, принадлежащих, чаще всего, к различным социальным группам и обладающих более разнообразными источниками информации. Именно это явление М. Грановеттер назвал «силой слабых связей» [1].

Функцию «ключа», открывающего доступ к ресурсам сети, выполняет доверие, которое стимулирует эффективный обмен информацией, создает прочные социальные связи и способствует решению конфликтов. Кроме того, сетевое доверие, снижая транзакционные издержки, может быть источником устойчивого конкурентного преимущества и фактором повышения эффективности бизнеса [5]. Для определения уровня доверия в контексте сетевых форм организации бизнеса используется двухмерный показатель: профессионализм и нравственная ответственность делового партнера. *Доверие к профессионализму* партнера – это уверенность в том, что он обладает необходимыми компетенциями и сможет обеспечить надлежащее качество исполнения своих профессиональных функций. Определение уровня профессионализма предполагает оценку технических и управленческих компетенции, навыков и технических возможностей партнера. *Доверие к нравственной ответственности* партнера – это уверенность в том, что он не обманет, если у него появится такая возможность (риск оппортунистического поведения, т.е. стремление

получить одностороннюю выгоду за счет партнера, оценивается как низкий). Нравственное, или моральное, доверие основано на ожидании добросовестного и корректного поведения со стороны партнера.

В зависимости от уровня сетевого доверия исследователи различают «связующий» и «включающий» социальный капитал. Первый тип социального капитала характеризует отношения между членами достаточно однородных групп (члены семьи, близкие друзья), в наибольшей степени сходные с понятием сильных связей. Этот вид капитала помогает человеку быть принятым в данном сообществе. Второй тип социального капитала характеризует отношения со знакомыми, партнерами, коллегами. Эти более слабые и разнородные связи особенно важны для продвижения по социальной лестнице.

Некоторые отечественные исследователи предлагают более подробную классификацию социальных сетей, выделяя такие формы социального капитала, как «связи-узы», «связи-мосты» и «связи-звенья» [3, 22]. Первые представляют собой плотные, интенсивные контакты между представителями одной социальной сети с близким статусом; вторые выходят за пределы одной социальной сети и соединяют индивидов со сходным статусом; третьи объединяют индивидов, принадлежащих к различным социальным сетям и имеющих различный социальный статус. Свойством всех типов социальных связей является их возможность предоставлять индивидам доступ к различным ресурсам, а также координировать совместную деятельность субъектов социальных взаимодействий.

Наряду с изучением доверия как «ядра» социального капитала в рамках теории социальных сетей эта проблематика анализируется также на макроуровне в русле институционального подхода. Если сторонники сетевого подхода в основном рассматривают социальный капитал как независимую переменную, то представители институционального подхода считают его во многом продуктом политической, законодательной и

институциональной среды. Внимание авторов, придерживающихся данного подхода (Т. Скочпол, С. Нэк, П. Кифер и др.), акцентируется на способности социальных институтов оказывать влияние на увеличение объема общественного доверия и активизацию гражданских инициатив.

Институциональное доверие чаще всего определяется как доверие к институтам, которые создают основы социальных связей и отношений в обществе. Этот безличный тип рационального доверия некоторые исследователи считают самым распространенным в современном обществе, поскольку рыночные экономические отношения предполагают доверие к самым разнообразным институциональным образованиям – фирмам, банкам, биржам, информационным источникам, государственным структурам. Так, примером институционального доверия в повседневной жизни может быть ввод пароля от кредитной карточки в интернете, когда люди доверяют банковской системе и их системе безопасности.

Институциональное доверие в значительной степени зависит от эффективности государственной и правовой системы общества, уровня его экономического и нравственного развития. Высокий уровень институционального доверия способствует установлению социально-политической стабильности в обществе, низкий – подрывает основы нормального функционирования социума. Важным индикатором социального «здоровья» общества является соотношение уровней институционального и межличностного доверия. Как показывают отечественные исследователи, возможны четыре варианта такого соотношения:

- межличностное и институциональное доверие выше среднего: общество обладает значительным социальным капиталом, а власть, в свою очередь, способствует его сохранению и воспроизводству;
- высокий уровень межличностного доверия при низком уровне доверия институционального: общество существует автономно от власти;

- высокий уровень институционального доверия при низком уровне доверия межличностного: социум не может функционировать самостоятельно, он практически полностью зависит от властных инициатив;

- низкое межличностное и институциональное доверие: социальные взаимодействия в обществе парализованы, власть не способна контролировать ситуацию, координированные действия сильно затруднены ввиду взаимного недоверия.

Значение институционального доверия особенно проявляется в периоды социальных перемен, глубокой трансформации общества. Для успешной реализации реформаторских проектов необходимо, чтобы доверие к новым институтам поддерживалось на оптимальном уровне. Анализ институциональных преобразований с позиций доверия показывает, что эффективная стратегия реформ должна предусматривать проведение политики, стимулирующей развитие стабилизационных и интеграционных процессов. В условиях российского общества такая стабилизационная политика предполагает сплочение различных групп и слоев населения, гармонизацию социально-экономических и социально-политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил.

Новые возможности в социологическом изучении доверия открывает социокультурный подход, который получил наиболее полное выражение в работах известного польского социолога П.Штомпки. Рассматривая доверие как культурный ресурс, способствующий реализации потенциала социальных взаимодействий, исследователь вводит в научный оборот два методологически важных понятия: «культура доверия» и «культура недоверия». Культура доверия является позитивным фактором для развития общества. Она способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, активности

населения, стимулирует интенсивность социальных взаимодействий. Распространение культуры доверия повышает ответственность властей, прозрачность социальных организаций, стабильность общественного порядка, соблюдение прав и обязанностей граждан. Противоположная картина складывается в случае распространения культуры недоверия, даже если это оправдано исторически. Культура недоверия, приводя к демобилизации, пассивности, осторожности, к увеличению социальных дистанций, к отчуждению, снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию. Более того, она порождает социальную дезорганизацию, нестабильность общественного порядка, произвол властей, бессилие граждан, нарушение прав и неисполнение обязанностей. В результате приходит в движение негативная спираль деградации социальных процессов, распространяя недоверие на все сферы общественной жизни [8].

Для анализа становления институтов рыночной системы хозяйствования особенно актуальна сформулированная П. Штомпкой концепция «культурной травмы» переходного общества. Как показывает исследователь, атрофия моральной связи сопутствует периодам быстрых изменений. В частности, внезапному расширению подвергается сфера неуверенности, риска и угрозы, увеличивается непрозрачность структур и организаций, проявляется нормативная аномия, хаотичность и несогласованность старых и новых законов. Это порождает кризис доверия ко всем общественным институтам. Для преодоления культурной травмы страны, вставшие на путь демократических преобразований, должны преуспеть в культурной трансформации. Их базовая проблема связана с тем, что сфера культуры инертна, меняется гораздо медленнее и сопротивляется переменам гораздо сильнее, чем любая другая область [9].

Социокультурный подход к изучению доверия широко представлен и в работах российских исследователей, в частности в коллективной монографии «Доверие и недоверие в условиях развития гражданского

общества» [2]. Авторы этого фундаментального исследования приходят к выводу, что гражданскому обществу необходима развитая культура доверия, которая понимается не только как комплекс исторически сформированных установок, норм и ценностей, но и как активно воспроизводимая в социальных практиках гражданского общества структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться. Такая культура подразумевает преобладание доверия, базирующегося на знании социального партнера, взаимном уважении и взаимовыгодном паритетном сотрудничестве на основе общих целей, ценностей и интересов. Эффективное гражданское общество — это общество, где добровольные объединения людей и государство выступают партнерами, где функционирование социальных институтов есть результат взаимодействия всех заинтересованных сторон, где поддерживается социальная ответственность бизнеса и любого гражданина, где преобладает атмосфера зрелых отношений доверия, а не слепой веры или страха [2, с. 6].

Таким образом, доверие - ключевой атрибут гражданского общества, фактор легитимности политической власти и индикатор общественной стабильности. Важная роль принадлежит доверию в процессе регуляции жизнедеятельности социума, социальных групп и общностей. В современных условиях, когда происходят динамичные изменения основ социальной жизни, разрушаются привычные общественные ориентиры и модели поведения, обостряются экономические, политические и межнациональные конфликты, эта роль доверия в значительной мере усиливается. В связи с этим приобретает особую значимость поиск новых путей повышения доверия. В русле таких поисков сложилась концепция, предполагающая возможность конструирования доверия на основе объединения усилий государства, бизнеса и гражданского общества. Цель конструирования – не просто разовое повышение уровня доверия, а, главным образом, обеспечение воспроизводства доверия путем его интеграции в единую ткань социальной жизни.

Приведенный аналитический обзор социологических подходов к изучению доверия, конечно, не может дать исчерпывающего представления о полном спектре исследований данной проблемы в современной социологии. Однако рассмотренные теоретические подходы – институциональный, сетевой, социокультурный, концепция социального капитала – позволяют выявить наиболее актуальные направления в изучении доверия и наметить перспективы дальнейших исследований этого сложного феномена, играющего важную роль в функционировании современного общества.

Список литературы

1. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. -2009. - № 4.- С.31-50.
2. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой.— М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. —564 с.
3. Коньков, А. Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие : монография / А.Т. Коньков. - М.: Издательство Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 222 с.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. - 2001. - №3. - С. 122-139.
5. Ляско, А. К. Доверие и трансакционные издержки / А. К. Ляско // Вопросы экономики.- 2003. - № 1. – С. 42-58.
6. Радаев, В. В. Рынок как переплетение социальных сетей / В. В. Радаев // Российский журнал менеджмента.- 2008. - № 2. - С. 47-54.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 730, [6] с .

8. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос. 2012. – 440 с.

9. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. – С. 45-67.

СЕКЦИЯ №15.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)**

СЕКЦИЯ №16.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)**

СЕКЦИЯ №17.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СЕКЦИЯ №19.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.

**ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)**

СЕКЦИЯ №21.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

СЕКЦИЯ №22.

ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

**СЕКЦИЯ №23.
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)**

**ПРОБЛЕМА ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА В ДОКУМЕНТАХ
ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА**

Галаганова С. Г.

Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана

*И славу нетленного Бога изменили в образ,
подобный тленному человеку...*

Рим. 1:23

На состоявшемся в ноябре 2015 года XIX Всемирном Русском Народном Соборе (далее ВРНС)¹, посвящённом теме «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси», был затронут ряд актуальных вопросов жизни современного российского социума. Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, сформулированная в выступлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и итоговых документах Собора идея так называемого нравственного государства. Речь идёт не просто о необходимости укрепления нравственных устоев народа и преодоления состояния аномии, но о «проекте нового постлиберального *государственного устройства* в России» (курсив мой. – С.Г.). Именно так определяет суть и значение грядущей инновации один из экспертов Центра научной и политической мысли и идеологии, принимавшего непосредственное участие в разработке данной концепции [1]. Однако в таком случае последняя нуждается в серьёзной конкретизации, в частности, уточнении понимания взаимоотношений в «новом постлиберальном государстве» сфер нравственности и права (ведь многие увидели в проекте этого государства

¹ Всемирный Русский Народный Собор – международная общественная организация, основанная в 1993 году под эгидой Русской Православной Церкви с целью консолидации русского народа в процессе созидательной деятельности на благо России.

«православный шариат» и «угрозу опричнины»). Рассматривая данную проблему, мы будем ссылаться не только на последний, но и на предыдущие форумы ВРНС, поскольку их документы по сути дела представляют собой последовательное изложение единой концепции преобразования жизни русского народа.

На XIX Соборе говорилось о вполне определённой нравственности, а именно, христианской, православной. Соответственно, и новое государство в России мыслится как христианское – не в смысле теократии, а в смысле соответствия его уклада евангельским нормам и заповедям. Поэтому тема нашего исследования требует, прежде всего, обратить внимание на трактовку проблемы «нравственность и право» в «первоисточнике» – Новом Завете.

На «исторической Руси» данный вопрос впервые был поставлен и глубоко осмыслен митрополитом Киевским Иларионом в «Слове о законе и благодати», выдающемся произведении древнерусской мысли, из которого, как из семени, выросло всё гигантское древо национальной культуры. Поскольку в основе содержания «Слова» – борьба Киевской Руси с Хазарским каганатом как наиболее острый вопрос её политической жизни IX – начала XI веков, новый евангельский нравственный идеал, воплощённый автором в понятии Благодати, формулируется в сравнении с ветхозаветным законом. Принцип «пропорциональности» содеянного и обрётённого, на котором основан любой закон, после Голгофы и проповеди Спасителя перестал быть единственным мерилем нравственности, справедливости, добра и зла – вот главная идея «Слова». «Озеро законное иссохло, евангельский же источник наводнился»; «отошёл свет луны, когда воссияло солнце, так и закон уступил место благодати», – пишет митрополит Иларион [Цит. по 5].

Евангелие впервые указало на сущностную ущербность права – его неспособность к познанию человеческих душ и судеб во всей их глубине и полноте. В своём божественном воплощении Правда недоступна закону, до неё не в силах «дотянуться» ни один, даже самый справедливый, земной суд.

Направленность внутреннего движения человеческой души («вверх» или «вниз», к Богу или к дьяволу), реализующаяся не только в поступках, но и в помыслах, – вот что важно для Суда Божия. Эти истинные душевные глубины недоступны человеческому зрению, воспринимающему их лишь как внешние проявления.

Речь вовсе не идёт об отвержении закона, об отрицании его практического значения. Более того, автор «Слова» ясно указывает на неспособность Благодати стать фундаментом закона. Провозгласив неотмирность своего Царства, Христос заповедал христианам «строить» его в своих душах. Соответственно христианским будет то государство, где подобные души составят значительное количество населения и будут восприниматься остальными как пример для подражания.

Нравственность, в отличие от закона, не подлежит государственному регламентированию; правосознание народа, даже православного, не может базироваться на вере. В XX веке эта идея реализовалась в концепции светского государства, предполагающего свободу духовного самоопределения граждан. Да и само понятие нравственности обретает смысл лишь при условии наличия у человека богоданной свободы ежеминутного выбора помыслов и поступков. «Оборотной стороной» свободного выбора является личная ответственность за него: за что отвечать человеку, если его *заставили* сделать зло, и в чём его заслуга, если его *принудили* к добру?

Документы ВРНС признают самоценность свободы выбора лишь при определённом условии: «когда человек выбирает добро». «Мы признаём права и свободы человека *в той мере* (курсив мой. – С.Г.), в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют её от внутреннего и внешнего зла», – говорится в принятой в 2006 году X Собором «Декларации о правах и достоинстве человека» [2]. Не означает ли это, что кто-то где-то чётко и детально пропишет, что есть добро и зло, «внутреннее и внешнее», применительно к российскому социуму XXI века, и за любым «шагом в

сторону» автоматически последует «лишение» (поражение в гражданских правах)? Не является ли это очередной попыткой смешения «Богова» и «кесарева», подмены духовного мирским?

Что касается права, то оно – как идея, как феномен – появилось в качестве гарантии свободы нравственного выбора каждого члена социума. Если чей-то безнравственный поступок не наносит вреда другим (и потому не выходит за рамки закона), человек волен поступать по своему усмотрению. Он волен завидовать чужому имуществу, но не имеет права присваивать его, поскольку тем самым нарушит чьё-то право собственности. А вот жена собственностью мужа не является, и поэтому закон не запрещает влюбляться в чужих жён (как и мужей) и заводить с ними романы (разумеется, при условии обоюдного добровольного согласия).

Евангелие не принуждает к добру; в нём не говорится, что христианин *не имеет права* быть гневливым, сребролюбивым, завистливым, ленивым, распутным. Благая Весть – всего лишь строгое предупреждение о смертоносности греха и страстное пожелание людям избрать жизнь, без принуждения, лишь собственной свободной волей. В любом «нравственном государстве» возможность такого выбора исчезает, поскольку, как это следует из вышеупомянутой соборной «Декларации», у его граждан не будет *права* на безнравственные поступки, их *заставят* «восходить к добру», подчинив тем самым евангельскую Благодать ветхозаветному закону. «Возлюби Бога – и делай, что хочешь», – гласит древняя церковная мудрость. «Делай лишь то, что будет определено как полезное для твоей личности», – такая принудительно-нравственная установка, к сожалению, логично вытекает из документов ВРНС.

Помимо теологической и юридической сфер, проблема «закона и Благодати» затрагивает и сферу философско-гуманистическую. «Обязательность» добра отрицает самоценность человека, превращая его из цели в средство. Об этом писали Владимир Соловьёв, Клайв Стейплз Льюис,

многие другие философы и публицисты, ярко и убедительно раскрывавшие «антропоцентричность» и гуманизм христианства [см., напр., 4, 9].

В документах ВРНС содержится и ещё одна, весьма нетипичная для христианства идея: выбор православных ценностей и идеалов в качестве основы будущего «нравственного государства» объясняется их соответствием национальной исторической традиции и этнической идентичности русского народа. Аналогичная мысль прозвучала и на церемонии закрытия кинофестиваля «Лучезарный Ангел» (9.11.2015) в выступлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, подчеркнувшего «глубинную связь» этих идеалов и ценностей с «истинной природой русского человека» [10].

Что касается традиционности, будь то вера, или нравственность, то она опять-таки вступает в противоречие со свободой личного выбора: в данном случае этот выбор не будет ни свободным, ни личным, поскольку будет обусловлен макро- и микросредой, в которой родился и воспитывался человек. «Настигнут радостью» – так называется эссе К. С. Льюиса о встрече автора с живым христианским Богом. Вряд ли сможет испытать эту радость «христианин по традиции» (который «русский, следовательно, православный»). Нравственный поступок, совершённый из боязни осуждения окружающими, для общества, безусловно, лучше свободной безнравственности, однако можно ли назвать нравственным государство, где главным мотивом «нравственности» выступает банальный обывательский конформизм?

Что же касается «истинной природы русского человека», то в документах ВРНС она не раскрывается, что и понятно, ибо нельзя объяснить то, чего нет: этничность, даже «истинная», как известно, не передаётся генетически; она является феноменом социально-культурным. Впрочем, определение самой «русской идентичности» (возможно, это и есть «истинная природа»?) присутствует в «Декларации русской идентичности», принятой в 2014 году XVIII Собором. Из неё следует, что считать себя русским и

говорить на русском языке недостаточно для того, чтобы на самом деле быть русским. Для этого необходимо ещё и «думать на русском языке» (что, видимо, будет трудно установить без помощи полиграфа), не иметь «иных этнических предпочтений», ощущать «солидарность с судьбой русского народа» и «признавать православное христианство основой национальной духовной культуры» [3].

Этот странный документ свидетельствует о том, что ВРНС придаёт «типологическим признакам» русского этноса настолько большое значение, что их понадобилось провозгласить в специальной Декларации наподобие прав человека и гражданина. Но если последние чётко определены для того, чтобы можно было контролировать их соблюдение и наказывать нарушителей, то смысл и практическое значение этнических «маркеров», сформулированных ВРНС, остались загадкой. Не говоря уже о множестве возникающих недоумений. Пушкинская Татьяна, «русская душою», хрестоматийный символ русской женской искренности, жертвенности, чистоты, как известно, «по-русски плохо знала» (стало быть, и думала по-французски). Тургенев с его блистательным русским литературным языком, но весьма сомнительными этническими предпочтениями тоже не будет соответствовать критериям русской идентичности. А по каким конкретным признакам следует судить о наличии или отсутствии у человека «ощущения солидарности» с судьбой своего народа? А можно ли считать русскими миллионы не особенно просвещённых, безразличных к религии тружеников, никогда не задававшихся вопросом о том, что является основой их духовной культуры? А «родноверов», полагающих основой русской культуры древнее славянское язычество?

«Утверждение о том, что каждый русский *должен* (курсив мой. – С.Г.) признавать православное христианство основой своей национальной культуры, является оправданным и справедливым», – недвусмысленно говорится в «Декларации русской идентичности» [3]. Почему «должен»? Потому, что он русский, то есть в силу традиции, этнической

принадлежности, в силу неписаного национального закона. Другими словами, «оправданной и справедливой» признаётся подмена религии Благодати религией закона (точнее, попытка обратить Благодать в закон), насаждение в христианстве ветхозаветных стереотипов мнимой этнической исключительности и культурной замкнутости (эксперты ВРНС называют её «отстранённостью»).

Однако донесённое до нас Евангелием земное поведение Спасителя демонстрирует совсем иные «предпочтения»: Христос просил пить у «нечистой» самарянки, нарушал национальные обычаи, попирает традиционные ценности. Ещё большую дерзость по отношению к «русской идентичности» проявил святой равноапостольный князь Владимир, деяниям и духовному наследию которого был посвящён XIX Собор: публично отрекшись от «веры отцов», он принял не просто иную веру, но веру враждебного Руси народа, чуждую, очень странную, никак не связанную с «истинной природой русского человека».

В выступлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XVIII Соборе говорилось о «негативных последствиях», к которым привело «неуместное противопоставление русской национальной и российской общегражданской идентичности» [6]. Если под «негативными последствиями» имелся в виду геноцид русского населения бывших советских республик, то, думается, причины его следует искать в иных сферах общественной жизни. Что же касается двух вышеупомянутых «идентичностей», то речь идёт об этнической («племенной») и политической (гражданской) нациях и соответствующих им национализмах – феноменах, давно изученных мировым научным сообществом (а вовсе не придуманных некой «группой» российских «учёных и политиков» в 1990-е годы, как утверждалось на XVIII ВРНС [6]. Необходимость их противопоставления, как и отсутствие таковой, определяются конкретной ситуацией. Однако весьма желательно понимать их различия и сущностную противоположность.

Гражданский национализм исторически явился результатом победивших буржуазных революций и порождённого ими капиталистического уклада. В своё время он стал мировоззренческой основой формирования новых общенациональных государственных образований (nation-states) – независимых буржуазных государств, объединивших на своих территориях различные народы (один из которых, как правило, играл роль государствообразующего этнического ядра) в новые – крупные, полиэтнические – нации. Последние тоже стали именоваться гражданскими, или политическими. Гражданский национализм всегда конструктивен и оттого «центростремителен»: он объединяет этносы на основе общей перспективной идеи, будь то «Великая Британия», «Прекрасная Франция» или американская «свободная земля свободных людей».

Национализм этнический возник в качестве защитной реакции народов, попавших под каток буржуазной экономической эксплуатации, социального бесправия и культурной ассимиляции (в России это случалось дважды – в конце XIX и в конце XX столетий). С тех пор его идейную пищу составляют образы этнических врагов, коллективная память о причинённых (и причиняемых) притеснениях и призывы к объединению на основе «почвы и крови» (а следовательно, отделения от «чужих»).

Если создание «нравственного государства» предполагается на основе христианских идеалов и ценностей, не противоречащих нравственным установкам других народов России, то его коллективным субъектом в XXI веке может быть только единая гражданская нация, состоящая из многочисленных культурно-самобытных этносов и свободных граждан, любой (а не только «доброй») нравственный выбор которых признан самоценным. Ибо христианство – вселенская религия всеобщего спасения, свободного Христова Духа, религия Благодати, исключая компромисс с религией закона. «Вы куплены дорогою ценою, не делайтесь рабами

человеков», – предостерег христиан Апостол (Кор. 7:23). Стоит ли им делаться рабами человеческих «идентичностей»?..

Список литературы

1. Войтенко В. П. Русская идентичность в решениях Всемирного Русского Народного Собора // Интернет. Режим доступа: [http://rusrand.ru/search?ContentPage\[filter\]\[2\]=Войтенко&filter=](http://rusrand.ru/search?ContentPage[filter][2]=Войтенко&filter=)
2. Декларация о правах и достоинстве человека / X Всемирный Русский Народный Собор. Москва, 4–6 апреля 2006 г. // Интернет. Режим доступа: [http:// www.patriarchia.ru/db/text/103235.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html)
3. Декларация русской идентичности / XVIII Всемирный Русский Народный Собор. Москва, 10–11 ноября 2014 г. // Интернет. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>
4. Клайв Стейплз Льюис. Просто христианство // Клайв Стейплз Льюис. Собр. соч. в 8 тт. Т.1. – Минск–Москва: Виноград, 1998.
5. Кожин, Вадим. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. Вып. 26. – М.: Книга, 1989.
6. Слово главы ВРНС, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси на XVIII Всемирном Русском Народном Соборе // Интернет. Режим доступа: <http://www.vrns.ru/documents/79/3403/#.VkSnadLhCHs>
7. Слово главы ВРНС, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XIX Всемирном Русском Народном Соборе. Москва, 9–10 ноября 2015 г. // Интернет. Режим доступа: <http://www/vrns.ru/news/4033/#.V5YcLGTnXO8>

8. Соборное слово XVIII Всемирного Русского Народного Собора // Интернет. Режим доступа:
<http://www.vrns.ru/documents/79/3399/#.VkSnLdLhCHs>
9. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. – М.: Академический проект, 2010.
10. Приветственное слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на церемонии закрытия кинофестиваля «Лучезарный Ангел». Москва, 9 ноября 2015 г. // Интернет. Режим доступа:
<http://www.patriarchia.ru/db/text/4266619.html>

СЕКЦИЯ №24.

ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)

О НЕТАБЛИЧНОСТИ ДИЗЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАПОЛНОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА *

Попов В. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

** Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00224а.*

Работа выполнена в русле исследования проблемы табличности парapolных логик. Главный результат предлагаемой статьи – доказательство нетабличности дизъюнктивно – негативного фрагмента любой ω -парapolной логики васильевского типа.

Язык L всех рассматриваемых здесь логик есть стандартно определяемый пропозициональный язык, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка L), $\&$, \vee , \supset (бинарные логические связи языка L), \neg (унарная

логическая связка языка L), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение L -формулы индуктивно: (1) всякая пропозициональная переменная языка L есть L -формула, (2) если A и B являются L -формулами, то $(A \& B)$, $(A \vee B)$, $(A \supset B)$, и $(\neg A)$ являются L -формулами, (3) ничто другое не является L -формулой. Условимся обозначать через φ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является символ \neg . Принимаем соглашение¹ о том, что для всякой L -формулы A и для всякого целого положительного числа d $\neg^{[d]}(A)$ есть сокращение для $(\varphi(d) \dots (\varphi(1) A) \dots)$. Квазиэлементарной L -формулой называем L -формулу, в которую не входит ни одна бинарная логическая связка языка L . Длиной L -формулы называем число всех вхождений символов $\&$, \vee , \supset , \neg в эту L -формулу. Ясно, что для всякой L -формулы существует единственная длина этой L -формулы, и что длина всякой L -формулы есть целое неотрицательное число. Длину L -формулы A обозначаем через $h(A)$. Логикой называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно modus ponens в L и относительно правила подстановки L -формулы вместо пропозициональной переменной языка L . Теорией логики L называем множество L -формул, включающее логику L и замкнутое относительно modus ponens в L . Понятно, что множество всех L -формул является логикой, а также теорией любой логики. Множество всех L -формул называем тривиальной теорией. Полной теорией логики L называем такую теорию T логики L , что для всякой L -формулы A верно следующее: $A \in T$ или $(\neg A) \in T$. Параконной теорией логики L называем такую теорию T логики L , что T не является полной теорией логики L и всякая полная теория логики L , включающая T , есть тривиальная теория. Параконной логикой называем такую логику L , что существует параконная теория логики L .

Условимся, что на протяжении всей статьи α - произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Построим исчисление $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ гильбертовского типа. Язык

исчисления $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ есть L . Аксиомами исчисления $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ являются все те и только те L -формулы, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих двенадцати видов (здесь A, B и C - L -формулы):

- (I) $((A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C)))$, (II) $(A \supset (A \vee B))$, (III) $(B \supset (A \vee B))$,
 (IV) $((A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C)))$, (V) $((A \& B) \supset A)$, (VI) $((A \& B) \supset B)$,
 (VII) $((C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B))))$, (VIII) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C))$,
 (IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$, (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$, (XI, α) $((\neg D) \supset (D \supset A))$,
 где D есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \alpha$, (XII, ω) $((E \supset (\neg(A \supset A))) \supset (\neg E))$, где E есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$.

Заметим, что L -формула не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$ тогда и только тогда, когда эта L -формула не является квазиэлементарной L -формулой.

Исчисление $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ имеет единственное правило – modus ponens в L .

Доказательства в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ ($HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -доказательства) строятся обычным для исчислений гильбертовского типа образом. Стандартно определяется L -формула, доказуемая в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Условимся через $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ обозначать множество всех L -формул, доказуемых в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Из утверждения (У3) работы [1] и того факта, что $\omega \neq 0$, следует, что $I_{\langle x, \omega \rangle}$ является параполной логикой для всякого x из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Ориентируясь на терминологию работы [1], называем ω -параполной логикой васильевского типа логику $I_{\langle x, \omega \rangle}$, где $x \in \{0, 1, 2, \dots, \omega\}$.

Помимо языка L нам требуется язык $L_{\vee \neg}$, являющийся стандартно определяемым пропозициональным языком, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка $L_{\vee \neg}$), \vee (бинарная логическая связка языка $L_{\vee \neg}$), \neg (унарная логическая связка языка $L_{\vee \neg}$), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение $L_{\vee \neg}$ -формулы аналогично определению L -формулы, данному выше.

Дизъюнктивно-негативным фрагментом логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ называем множество всех таких L_{\neg} -формул, каждая из которых принадлежит логике $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Понятно, что для всякой ω -параполной логики васильевского типа существует единственный дизъюнктивно-негативный фрагмент этой логики. Дизъюнктивно-негативный фрагмент логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ обозначаем через $\vee\neg$ - $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Логической матрицей называем упорядоченную тройку $\langle M, N, O \rangle$, где M есть непустое множество, N включается в M , O есть операция на M или упорядоченная n -ка (n есть целое положительное число и $n \geq 2$) операций на M . Называем M носителем логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем N выделенным множеством логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем O набором операций логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$. Конечной логической матрицей называем логическую матрицу, носитель которой является конечным множеством. Логической матрицей языка L_{\neg} (L_{\neg} -матрицей) называем такую логическую матрицу $\langle M, N, O \rangle$, что O есть упорядоченная двойка, первый член которой есть бинарная операция на M , а второй – унарная операция на M .

Оценкой языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M называем отображение множество всех пропозициональных переменных языка L_{\neg} в носитель L_{\neg} -матрицы M . Можно доказать, что если M есть L_{\neg} -матрица и $\langle \oplus, \sim \rangle$ есть набор операций L_{\neg} -матрицы M , то существует единственное отображение (следуя традиции, условимся обозначать его через \vDash^M и называть означиванием в L_{\neg} -матрице M) множества, являющегося декартовым произведением множества всех L_{\neg} -формул на множество всех оценок языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M , в носитель L_{\neg} -матрицы M , удовлетворяющее следующим условиям:

- (i) $\vDash^M q, \tau = \tau(q)$ для всякой оценки τ языка L_{\neg} в M и для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} ,

- (ii) $| (A \vee B), \tau |^M = | A, \tau |^M \oplus | B, \tau |^M$ для всякой оценки τ языка $L_{\vee\rightarrow}$ в \mathbf{M} и для всяких $L_{\vee\rightarrow}$ -формул A и B ,
- (iii) $| (\neg A), \tau |^M = \sim (| A, \tau |^M)$ для всякой оценки τ языка $L_{\vee\rightarrow}$ в \mathbf{M} и для всякой $L_{\vee\rightarrow}$ -формулы A .

Называем A $L_{\vee\rightarrow}$ -формулой, общезначимой в $L_{\vee\rightarrow}$ -матрице \mathbf{M} , если для всякой оценки τ языка $L_{\vee\rightarrow}$ в $L_{\vee\rightarrow}$ -матрице \mathbf{M} $| A, \tau |^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee\rightarrow}$ -матрицы \mathbf{M} .

Теорема (о нетабличности $\vee\rightarrow I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$).

Не существует такой конечной $L_{\vee\rightarrow}$ -матрицы \mathbf{M} , что для всякой $L_{\vee\rightarrow}$ -формулы A верно следующее: $A \in \vee\rightarrow I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Для доказательства этой теоремы потребуются две следующие леммы – лемма 1 и лемма 2.

Лемма 1.

Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого целого положительного числа m и для всякого целого положительного числа n верно следующее: если $m \neq n$, то $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Лемма 2.

Для всякой конечной $L_{\vee\rightarrow}$ -матрицы \mathbf{M} верно следующее: если всякая $L_{\vee\rightarrow}$ -формула A такова, что $A \in \vee\rightarrow I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

В приводимых ниже доказательствах леммы 1 и доказательствах леммы 2 используется двузначная семантика логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Построим эту семантику,

применяя описанный в [1] метод конструирования по всяким x и y из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ двузначной семантики, адекватной логике $I_{\langle x, y \rangle}$.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -предоценкой называем отображение множества всех квазиэлементарных L -формул в множество $\{0, 1\}$.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценкой называем такую $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -предоценку v , что для всякой квазиэлементарной L -формулы Q , верно следующее: если $h(Q) \geq \alpha$ и $v(Q) = 1$, то $v(\neg Q) = 0$.

Определим $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при заданной $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценке.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означиванием при $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценке v называем такое отображение f множества всех L -формул во множество $\{0, 1\}$, что выполняются следующие условия:

- (i) для всякой квазиэлементарной L -формулы A $f(A) = v(A)$;
- (ii) для всякой L -формулы A , не являющейся квазиэлементарной L -формулой: $f(\neg A) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$;
- (iii) для всяких L -формул A и B :
 - $f((A \& B)) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,
 - $f((A \vee B)) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,
 - $f((A \supset B)) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$ или $f(B) = 1$.

Можно доказать, что для всякой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v существует единственное $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при v . Условимся для любой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v обозначать через $\Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle}$ $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при v .

Называем A $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимой L -формулой, если для всякой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v $\Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle}(A) = 1$.

Докажем теперь лемму 1.

- (1) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).
- (2) m есть целого положительное число (допущение).
- (3) n есть целого положительное число (допущение).
- (4) $m \neq n$ (допущение).

Очевидно, что (5) $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ является L -формулой.

Разумеется, что (6) существует единственное множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y=1$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y=0$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Условимся, что (7) w есть множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y=1$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y=0$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Понятно, что (8) w есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценка, $w(\neg^{[n]}(q)) = 1$, $w(\neg^{[m]}(q)) = 0$.

Легко убедиться, что (9) $\Phi_w^{\langle \alpha, \omega \rangle}((\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) = 0$.

Но тогда понятно, что (10) $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ не есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является следующее утверждение (11).

(11) Для всякой L -формулы A : если $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$, то A есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

(12) $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из утверждений (5), (10) и (11)).

Снимая допущения (1), (2), (3) и (4) и обобщая, завершаем доказательство леммы 1.

Докажем лемму 2.

(1) M есть конечная $L_{\vee \neg}$ -матрица (допущение).

(2) Всякая $L_{\vee \neg}$ -формула A такова, что $A \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда

A есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в M (допущение).

(3) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

Для удобства проведения рассуждения, положим что (4) M есть носитель

$L_{\vee \neg}$ -матрицы M , N есть выделенное множеством логической матрицы M , $\langle \oplus, \sim \rangle$ есть набор операций $L_{\vee \neg}$ -матрицы M .

Условимся обозначать через ψ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является унарная операция \sim на множестве M . Очевидно, что (#) для всякого целого положительного числа d существует единственное множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. В силу утверждения (#) корректно следующее соглашение 2: для всякого целого положительного числа d обозначаем через $\sim^{[d]}$ множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. Понятно, что (##) для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d]}$ есть унарная операция на M .

(5) Для всякого x из M и для всякого целого положительного числа d
 $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$.

Докажем утверждение (5).

(5.1) $x \in M$ (допущение).

(5.2) d есть целое положительное число (допущение).

Опираясь на соглашение 2 и утверждение (5.2), получаем, что верны следующие утверждения (5.3) и (5.4).

(5.3) $\sim^{[d+1]}(x) = \psi(d+1)(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots))$.

(5.4) $\sim^{[d]}(x) = \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)$.

Разумеется, что (5.5) $\psi(d+1)$ есть \sim .

(5.6) $\psi(d+1)(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)) = \sim(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots))$ (из (5.5)).

(5.7) $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$ (из (5.3), (5.4) и (5.6)).

Снимая допущения (5.1) и (5.2) и обобщая, завершаем доказательство утверждения (5).

Используя соглашение 1, определение отображения φ и тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L является L -формулой, получаем, что верно следующее утверждение (6).

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякого целого положительного числа d $\neg^{[d+1]}(q)$ есть $(\neg \neg^{[d]}(q))$.

(7) Для всякого целого положительного числа d , для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M

$$\vdash \neg^{[d]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[d]}(\vdash q, \rho \mid^M).$$

Докажем утверждение (7) методом прямой индукции.

Базис: для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице $M \vdash \neg^{[1]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[1]}(\vdash q, \rho \mid^M)$.

Доказательство базиса.

(Б1) r есть пропозициональная переменная языка L_{\neg} (допущение).

(Б2) ρ есть оценка языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M (допущение).

Понятно, что (Б3) r есть L -формула.

Опираясь на утверждение (Б3) и на тот факт, что l есть целое положительное число, получаем, используя соглашение 1, что (Б4) $\neg^{[l]}(r)$ есть $(\varphi(l) r)$.

(Б5) $\neg^{[l]}(r)$ есть $(\neg r)$ (из (Б4), по определению отображения φ).

В свете утверждения (Б5) ясно, что (Б6) $\vdash \neg^{[l]}(r), \rho \mid^M = \vdash (\neg r), \rho \mid^M$.

Поскольку M является L_{\neg} -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в L_{\neg} -матрице верно, что (Б7) $\vdash (\neg A), \rho \mid^M = \sim(\vdash A, \rho \mid^M)$ для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M и для всякой L_{\neg} -формулы A .

Понятно, что (Б8) r есть L_{\neg} -формула.

(Б9) $\vdash (\neg r), \rho \mid^M = \sim(\vdash r, \rho \mid^M)$ (из (Б2), (Б7) и (Б8)).

Опираясь на утверждение 2, на утверждение (##), на тот факт, что l есть целое положительное число, и на тот факт, что $\vdash r, \rho \mid^M \in M$, получаем, что

(Б10) $\sim^{[l]}(\vdash r, \rho \mid^M) = \psi(l)(\vdash r, \rho \mid^M)$.

(Б11) $\sim^{[l]}(\vdash r, \rho \mid^M) = \sim(\vdash r, \rho \mid^M)$.

Из (Б6), (Б9) и (Б11) вытекает следующее утверждение (Б12).

(Б12) $\vdash \neg^{[l]}(r), \rho \mid^M = \sim^{[l]}(\vdash r, \rho \mid^M)$.

Снимая допущения (Б1) и (Б2) и обобщая, завершаем доказательство базиса.

Базис доказан.

Индукционный шаг: для всякого целого положительного числа s верно, что если для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице $\mathbf{M} \mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}})$, то для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице $\mathbf{M} \mid \neg^{[s+1]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[s+1]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}})$.

Доказательство индукционного шага.

(Ш1) s есть целое положительное число (допущение).

(Ш2) Для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице $\mathbf{M} \mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}})$ (допущение).

(Ш3) u есть пропозициональная переменная языка L_{\neg} (допущение).

(Ш4) ρ есть оценка языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} (допущение).

Опираясь на утверждения (6), (Ш1), (Ш3) и на тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L_{\neg} является пропозициональной переменной языка L , получаем, что (Ш5) $\neg^{[s+1]}(u)$ есть $(\neg \neg^{[s]}(u))$.

В свете утверждения (Ш5) ясно, что (Ш6) $\mid \neg^{[s+1]}(u), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \mid (\neg \neg^{[s]}(u)), \rho \mid^{\mathbf{M}}$.

Поскольку \mathbf{M} является L_{\neg} -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в L_{\neg} -матрице верно, что (Ш7) $\mid (\neg A), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim(\mid A, \rho \mid^{\mathbf{M}})$ для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} и для всякой L_{\neg} -формулы A .

Используя утверждения (Ш4) и (Ш7) и учитывая, что $\neg^{[s]}(u)$ есть L_{\neg} -формула, получаем, что (Ш8) $\mid \neg \neg^{[s]}(u), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^{\mathbf{M}})$.

В свете утверждений (Ш2), (Ш3) и (Ш4) ясно, что (Ш9) $\mid (\neg \neg^{[s]}(u)), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^{\mathbf{M}})$.

Опираясь на утверждения (5), (Ш1), и на тот факт, что $|u, \rho|^M \in M$, получаем, что (Ш10) $\sim^{[s+1]}(|u, \rho|^M) = \sim(\sim^{[s]}(|u, \rho|^M))$.

Из утверждений (Ш6), (Ш8), (Ш9) и (Ш10) вытекает следующее утверждение (Ш11).

$$(Ш11) \quad |\neg^{[s+1]}(u), \rho|^M = \sim^{[s+1]}(|u, \rho|^M).$$

Снимая допущения (Ш1), (Ш2), (Ш3) и (Ш4) и обобщая, завершаем доказательство индукционного шага.

Индукционный шаг доказан.

Утверждение (7) доказано.

Известно, что (8) для всякого конечного множества K конечно множество всех унарных операций на K (число всех таких операций равно k^k , где k есть число всех элементов множества K).

(9) M есть конечное множество (из (1) и (4), по определению конечной логической матрицы и по определению $L_{\vee, \neg}$ -матрицы).

(10) Множество всех унарных операций на M конечно (из (8) и (9)).

Понятно (см. утверждения (10) и (##)), что (11) существуют такие целые положительные числа m и n , что $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Пусть (12) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Используя описанную здесь двузначную семантику логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$, убеждаемся, что верно следующее утверждение (13).

$$(13) \quad \text{Для всякой } I_{\langle \alpha, \omega \rangle}\text{-оценки } v \quad \Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle}((\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) = 1.$$

Опираясь на утверждение (13) и на определение $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимой L -формулы, получаем, что (14) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является утверждение (15).

(15) Для всякой L -формулы A : если A есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула, то $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Разумеется, что (16) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть L -формула.

(17) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (14), (15) и (16)).

Разумеется, что (18) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула.

(19) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (17) и (18), по

определению дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ и по соглашению о его обозначении).

(20) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (2) и (18)).

(21) $(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (19) и (20)).

(22) Для всякой оценки τ языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице $\mathbf{M} \mid (\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$, $\tau \mid^{\mathbf{M}}$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee \neg}$ -матрицы \mathbf{M} (из (21), по определению $L_{\vee \neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\vee \neg}$ -матрице).

(23) τ есть оценка языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} (допущение).

Опираясь на утверждения (3), (7), (23) и на тот факт, что m и n являются целыми положительными числами (см. утверждение (12)), получаем, что верны следующие утверждения (24) и (25).

$$(24) \mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[m]}(\mid q, \tau \mid^{\mathbf{M}}).$$

$$(25) \mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[n]}(\mid q, \tau \mid^{\mathbf{M}}).$$

Используя свойства означивания в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} , убеждаемся в справедливости следующих утверждений (26) и (27).

$$(26) \mid (\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} \oplus \mid (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}}.$$

$$(27) \mid (\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} \oplus \mid (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}}.$$

(28) $|(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = \sim^{[m]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ (из (24) и (26)).

(29) $|(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = \sim^{[n]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ (из (25) и (27)).

(30) $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$ (из (12)).

(31) $|(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = \sim^{[n]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ (из (28) и (30)).

(32) $|(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = |(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ (из (29) и (31)).

Снимая допущение (23) и обобщая, получаем, что (33) для всякой оценки τ языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} $|(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = |(\neg^{[n]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$.

(34) Для всякой оценки τ языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} $|(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee \neg}$ -матрицы \mathbf{M} (из (22) и (33)).

(35) $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (34), по определению $L_{\vee \neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\vee \neg}$ -матрице).

(36) $m \neq n$ (из (12)).

(37) $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (35) и (36)).

(38) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (37)).

Снимая допущение (3) и обобщая, получаем, что (39) для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee \neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Снимая допущения (1) и (2) и обобщая, завершаем доказательство леммы 2.

Лемма 2 доказана.

Докажем теорему о нетабличности $\forall\rightarrow I_{\langle\alpha,\omega\rangle}$ методом от противного.

(1) Существует такая конечная $L_{\forall\rightarrow}$ -матрица \mathbf{M} , что для всякой $L_{\forall\rightarrow}$ -формулы

A верно следующее: $A \in \forall\rightarrow I_{\langle\alpha,\omega\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (допущение).

Пусть (2) \mathbf{M} есть такая конечная $L_{\forall\rightarrow}$ -матрица, что для всякой $L_{\forall\rightarrow}$ -формулы

A верно следующее: $A \in \forall\rightarrow I_{\langle\alpha,\omega\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(3) \mathbf{M} есть конечная $L_{\forall\rightarrow}$ -матрица (из (2)).

(4) Для всякой $L_{\forall\rightarrow}$ -формулы A верно следующее: $A \in \forall\rightarrow I_{\langle\alpha,\omega\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (2)).

Опираясь на утверждение (3) и на лемму 2, получаем, что (5) если всякая

$L_{\forall\rightarrow}$ -формулы A такова, что $A \in \forall\rightarrow I_{\langle\alpha,\omega\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(5) Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\forall\rightarrow}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (4) и (5)).

Разумеется, что (7) p_l есть пропозициональная переменная языка L .

(8) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого

целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (6) и (7)).

Пусть (9) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(10) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ (из (9)).

(11) $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (9)).

Опираясь на утверждение (4) и на тот факт, что $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, получаем, что (12) $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(13) $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (11) и (12)).

Из леммы 1 и утверждений (7) и (10) вытекает следующее утверждение (14).

(14) $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Опираясь на утверждение (14) и используя определение дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ и соглашение об обозначении этого фрагмента, убеждаемся в справедливости следующего утверждения (15).

(15) Неверно, что $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Утверждение (15) несовместимо с утверждением (13). Следовательно, верно отрицание допущения (1).

Теорема о нетабличности дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ доказана.

В свете этой теоремы, определения ω -параполной логики васильевского типа и того факта, что α есть произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$, ясно, что дизъюнктивно-негативный фрагмент любой ω -параполной логики васильевского типа нетабличен.

Список литературы

1. Попов В.М. Секвенциальная аксиоматизация и семантика I -логик васильевского типа // Логические исследования. 2016. Т. 22, №1. С. 32-69.

О НЕТАБЛИЧНОСТИ КОНЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАНЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА *

Попов В. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

** Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00224а.*

Работа выполнена в русле исследования проблемы табличности паранепротиворечивых логик. Главный результат предлагаемой статьи – доказательство нетабличности конъюнктивно – негативного фрагмента любой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа.

Язык L всех рассматриваемых здесь логик есть стандартно определяемый пропозициональный язык, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка L), $\&$, \vee , \supset (бинарные логические связки языка L), \neg (унарная логическая связка языка L), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение L -формулы индуктивно: (1) всякая пропозициональная переменная языка L есть L -формула, (2) если A и B являются L -формулами, то $(A\&B)$, $(A\vee B)$, $(A\supset B)$, и $(\neg A)$ являются L -формулами, (3) ничто другое не является L -формулой. Условимся обозначать через φ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является символ \neg .

Принимаем соглашение 1 о том, что для всякой L -формулы A и для всякого целого положительного числа $d \rightarrow^{[d]}(A)$ есть сокращение для $(\varphi(d)\dots(\varphi(1)A)\dots)$. Квазиэлементарной L -формулой называем L -формулу, в которую не входит ни одна бинарная логическая связка языка L . Длиной L -формулы называем число всех вхождений символов $\&$, \vee , \supset , \neg в эту L -формулу. Ясно, что для всякой L -формулы существует единственная длина этой L -формулы, и что длина всякой L -формулы есть целое неотрицательное число. Длину L -формулы A обозначаем через $h(A)$. Логикой называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно *modus ponens* в L и относительно правила подстановки L -формулы вместо пропозициональной переменной языка L . Теорией логики L называем множество L -формул, включающее логику L и замкнутое относительно *modus ponens* в L . Понятно, что множество всех L -формул является логикой, а также теорией любой логики. Множество всех L -формул называем тривиальной теорией. Противоречивой теорией логики L называем такую теорию T логики L , что для некоторой формулы A верно: $A \in T$ и $(\neg A) \in T$. Паранепротиворечивой теорией логики L называем такую противоречивую теорию T логики L , что T не есть тривиальная теория логики L . Паранепротиворечивой логикой называем такую логику L , что существует паранепротиворечивая теория логики L .

Условимся, что на протяжении всей статьи β - произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Построим исчисление $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ гильбертовского типа. Язык исчисления $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ есть L . Аксиомами исчисления $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ являются все те и только те L -формулы, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих двенадцати видов (здесь A , B и C - L -формулы):

- (II) $((A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C)))$, (II) $(A \supset (A \vee B))$, (III) $(B \supset (A \vee B))$,
 (IV) $((A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C)))$, (V) $((A \& B) \supset A)$, (VI) $((A \& B) \supset B)$,
 (VII) $((C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B))))$, (VIII) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C))$,
 (IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$, (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$, (XI, ω) $((\neg D) \supset (D \supset A))$,
 где D есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -

формулой длины $< \omega$, $(XII, \beta) ((E \supset (\neg(A \supset A))) \supset (\neg E))$, где E есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \beta$.

Заметим, что L -формула не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$ тогда и только тогда, когда эта L -формула не является квазиэлементарной L -формулой.

Исчисление $HI_{<\omega, \beta>}$ имеет единственное правило – modus ponens в L .

Доказательства в $HI_{<\omega, \beta>}$ ($HI_{<\omega, \beta>}$ -доказательства) строятся обычным для исчислений гильбертовского типа образом. Стандартно определяется L -формула, доказуемая в $HI_{<\omega, \beta>}$. Условимся через $I_{<\omega, \beta>}$ обозначать множество всех L -формул, доказуемых в $HI_{<\omega, \beta>}$. Из утверждения (УЗ) работы [1] и того факта, что $\omega \neq 0$, следует, что $I_{<\omega, x>}$ является паранепротиворечивой логикой для всякого x из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Ориентируясь на терминологию работы [1], называем ω -паранепротиворечивой логикой васильевского типа логику $I_{<\omega, x>}$, где $x \in \{0, 1, 2, \dots, \omega\}$.

Помимо языка L нам требуется язык $L_{\&\neg}$, являющийся стандартно определяемым пропозициональным языком, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка $L_{\&\neg}$), $\&$ (бинарная логическая связка языка $L_{\&\neg}$), \neg (унарная логическая связка языка $L_{\&\neg}$), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение $L_{\&\neg}$ -формулы аналогично определению L -формулы, данному выше.

Конъюнктивно-негативным фрагментом логики $I_{<\omega, \beta>}$ называем множество всех таких $L_{\&\neg}$ -формул, каждая из которых принадлежит логике $I_{<\omega, \beta>}$. Понятно, что для всякой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа существует единственный конъюнктивно-негативный фрагмент этой логики. Конъюнктивно-негативный фрагмент логики $I_{<\omega, \beta>}$ обозначаем через $\&\neg I_{<\omega, \beta>}$.

Логической матрицей называем упорядоченную тройку $\langle M, N, O \rangle$, где M есть непустое множество, N включается в M , O есть операция на M или упорядоченная n -ка (n есть целое положительное число и $n \geq 2$) операций на M . Называем M носителем логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем N выделенным множеством логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем O набором операций логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$. Конечной логической матрицей называем логическую матрицу, носитель которой является конечным множеством. Логической матрицей языка $L_{\&\neg}$ ($L_{\&\neg}$ -матрицей) называем такую логическую матрицу $\langle M, N, O \rangle$, что O есть упорядоченная двойка, первый член которой есть бинарная операция на M , а второй – унарная операция на M .

Оценкой языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M называем отображение множество всех пропозициональных переменных языка $L_{\&\neg}$ в носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M . Можно доказать, что если M есть $L_{\&\neg}$ -матрица и $\langle \bullet, \sim \rangle$ есть набор операций $L_{\vee\neg}$ -матрицы M , то существует единственное отображение (следуя традиции, условимся обозначать его через $| \cdot |^M$ и называть означиванием в $L_{\&\neg}$ -матрице M) множества, являющегося декартовым произведением множества всех $L_{\&\neg}$ -формул на множество всех оценок языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M , в носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M , удовлетворяющее следующим условиям:

- (iv) $|q, \tau|^M = \tau(q)$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$,
- (v) $| (A \& B), \tau |^M = |A, \tau|^M \bullet |B, \tau|^M$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всяких $L_{\&\neg}$ -формул A и B ,
- (vi) $| (\neg A), \tau |^M = \sim (|A, \tau|^M)$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Называем A $L_{\&\neg}$ -формулой, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице M , если для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $|A, \tau|^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы M .

Теорема (о нетабличности $\&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$).

Не существует такой конечной $L_{\&\neg}$ -матрицы \mathbf{M} , что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Для доказательства этой теоремы потребуются две следующие леммы – лемма 1 и лемма 2.

Лемма 1.

Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого целого положительного числа m и для всякого целого положительного числа n верно следующее: если $m \neq n$, то $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ является

L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$.

Лемма 2.

Для всякой конечной $L_{\&\neg}$ -матрицы \mathbf{M} верно следующее: если всякая $L_{\&\neg}$ -формула A такова, что $A \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

В приводимых ниже доказательствах леммы 1 и доказательствах леммы 2 используется двузначная семантика логики $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$. Построим эту семантику, применяя описанный в [1] метод конструирования по всяким x и y из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ двузначной семантики, адекватной логике $I_{\langle x,y\rangle}$.

$I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -предоценкой называем отображение множества всех квазиэлементарных L -формул в множество $\{0,1\}$.

$I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценкой называем такую $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -предоценку v , что для всякой квазиэлементарной L -формулы Q , верно следующее: если $h(Q) \geq \beta$ и $v(Q) = 0$, то $v(\neg Q) = 1$.

Определим $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -означивание при заданной $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценке.

$I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -означиванием при $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценке v называем такое отображение f множества всех L -формул во множество $\{0,1\}$, что выполняются следующие условия:

(iv) для всякой квазиэлементарной L -формулы A $f(A) = v(A)$;

(v) для всякой L -формулы A , не являющейся квазиэлементарной L -формулой: $f(\neg A) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$;

(vi) для всяких L -формул A и B :

$f(A \& B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,

$f(A \vee B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,

$f(A \supset B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$ или $f(B) = 1$.

Можно доказать, что для всякой $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценки v существует единственное $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -означивание при v . Условимся для любой $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценки v обозначать через $\Phi_v^{\langle\omega,\beta\rangle}$ $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -означивание при v .

Называем A $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -общезначимой L -формулой, если для всякой $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценки v $\Phi_v^{\langle\omega,\beta\rangle}(A) = 1$.

Докажем теперь лемму 1.

(6) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

(7) m есть целого положительное число (допущение).

(8) n есть целого положительное число (допущение).

(9) $m \neq n$ (допущение).

Очевидно, что (5) $(\neg(\neg^{\lceil m \rceil}(q) \& (\neg(\neg^{\lceil n \rceil}(q) \& \neg^{\lceil n \rceil}(q))))$ является L -формулой.

Разумеется, что (6) существует единственное множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y = 0$ и x есть $\neg^{\lceil n \rceil}(q)$, либо $y = 1$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{\lceil n \rceil}(q)$.

Условимся, что (7) w есть множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y = 0$ и x есть $\neg^{\lceil n \rceil}(q)$, либо $y = 1$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{\lceil n \rceil}(q)$.

Понятно, что (8) w есть $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -оценка, $w(\neg^{\lceil n \rceil}(q)) = 0$, $w(\neg^{\lceil m \rceil}(q)) = 1$.

Легко убедиться, что (9) $\Phi_w^{\langle\omega,\beta\rangle}((\neg(\neg^{\lceil m \rceil}(q) \& (\neg(\neg^{\lceil n \rceil}(q) \& \neg^{\lceil n \rceil}(q)))))) = 0$.

Но тогда понятно, что (10) $(\neg(\neg^{[m]}(q)\&(\neg(\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$ не есть $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является следующее утверждение (11).

(11) Для всякой L -формулы A : если $A \in I_{\langle\omega,\beta\rangle}$, то A есть $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ -общезначимая L -формула.

(12) $(\neg(\neg^{[m]}(q)\&(\neg(\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ (из утверждений (5), (10) и (11)).

Снимая допущения (1), (2), (3) и (4) и обобщая, завершаем доказательство леммы 1.

Докажем лемму 2.

(4) M есть конечная $L_{\&\neg}$ -матрица (допущение).

(5) Всякая $L_{\&\neg}$ -формула A такова, что $A \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (допущение).

(6) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

Для удобства проведения рассуждения, положим что (4) M есть носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M , N есть выделенное множеством логической матрицы M , $\langle\bullet, \sim\rangle$ есть набор операций $L_{\&\neg}$ -матрицы M .

Условимся обозначать через ψ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является унарная операция \sim на множестве M .

Очевидно, что (#) для всякого целого положительного числа d существует единственное множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)\rangle$, где $x \in M$. В силу утверждения (#) корректно следующее соглашение 2: для всякого целого положительного числа d обозначаем через $\sim^{[d]}$ множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)\rangle$, где $x \in M$. Понятно, что (##) для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d]}$ есть унарная операция на M .

(5) Для всякого x из M и для всякого целого положительного числа d
 $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$.

Докажем утверждение (5).

(5.1) $x \in M$ (допущение).

(5.2) d есть целое положительное число (допущение).

Опираясь на соглашение 2 и на утверждение (5.2), получаем, что верны следующие утверждения (5.3) и (5.4).

(5.3) $\sim^{[d+1]}(x) = \psi(d+1) (\psi(d) (\dots \psi(1) (x) \dots))$.

(5.4) $\sim^{[d]}(x) = \psi(d) (\dots \psi(1) (x) \dots)$.

Разумеется, что (5.5) $\psi(d+1)$ есть \sim .

(5.6) $\psi(d+1) (\psi(d) (\dots \psi(1) (x) \dots)) = \sim(\psi(d) (\dots \psi(1) (x) \dots))$ (из (5.5)).

(5.7) $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$ (из (5.3), (5.4) и (5.6)).

Снимая допущения (5.1) и (5.2) и обобщая, завершаем доказательство утверждения (5).

Используя соглашение 1, определение отображения φ и тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L является L -формулой, получаем, что верно следующее утверждение (6).

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякого целого положительного числа d $\neg^{[d+1]}(q)$ есть $(\neg \neg^{[d]}(q))$.

(7) Для всякого целого положительного числа d , для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценке ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M

$$\neg^{[d]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[d]}(\mid q, \rho \mid^M).$$

Докажем утверждение (7) методом прямой индукции.

Базис: для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $\neg^{[1]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[1]}(\mid q, \rho \mid^M)$.

Доказательство базиса.

(Б1) r есть пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ (допущение).

(Б2) ρ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M (допущение).

Понятно, что (Б3) r есть L -формула.

Опираясь на утверждение (Б3) и на тот факт, что l есть целое положительное число, получаем, используя соглашение 1, что (Б4) $\neg^{[l]}(r)$ есть $(\varphi(l) r)$.

(Б5) $\neg^{[l]}(r)$ есть $(\neg r)$ (из (Б4), по определению отображения φ).

В свете утверждения (Б5) ясно, что (Б6) $\mid \neg^{[l]}(r), \rho \mid^M = \mid (\neg r), \rho \mid^M$.

Поскольку M является $L_{\&\neg}$ -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице верно, что (Б7) $\mid (\neg A), \rho \mid^M = \sim(\mid A, \rho \mid^M)$ для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Понятно, что (Б8) r есть $L_{\&\neg}$ -формула.

(Б9) $\mid (\neg r), \rho \mid^M = \sim(\mid r, \rho \mid^M)$ (из (Б2), (Б7) и (Б8)).

Опираясь на утверждение 2, на утверждение (##), на тот факт, что l есть целое положительное число, и на тот факт, что $\mid r, \rho \mid^M \in M$, получаем, что

(Б10) $\sim^{[l]}(\mid r, \rho \mid^M) = \psi(l) (\mid r, \rho \mid^M)$.

(Б11) $\sim^{[l]}(\mid r, \rho \mid^M) = \sim(\mid r, \rho \mid^M)$.

Из (Б6), (Б9) и (Б11) вытекает следующее утверждение (Б12).

(Б12) $\mid \neg^{[l]}(r), \rho \mid^M = \sim^{[l]}(\mid r, \rho \mid^M)$.

Снимая допущения (Б1) и (Б2) и обобщая, завершаем доказательство базиса.

Базис доказан.

Индукционный шаг: для всякого целого положительного числа s верно, что если для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $\mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^M)$, то для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $\mid \neg^{[s+1]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s+1]}(\mid q, \rho \mid^M)$.

Доказательство индукционного шага.

(Ш1) s есть целое положительное число (допущение).

(Ш2) Для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M \mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^M)$ (допущение).

(Ш3) u есть пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ (допущение).

(Ш4) ρ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M (допущение).

Опираясь на утверждения (6), (Ш1), (Ш3) и на тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ является пропозициональной переменной языка L , получаем, что (Ш5) $\neg^{[s+1]}(u)$ есть $(\neg\neg^{[s]}(u))$.

В свете утверждения (Ш5) ясно, что (Ш6) $\mid \neg^{[s+1]}(u), \rho \mid^M = \mid (\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \mid^M$.

Поскольку M является $L_{\&\neg}$ -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице верно, что (Ш7) $\mid (\neg A), \rho \mid^M = \sim(\mid A, \rho \mid^M)$ для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Используя утверждения (Ш4) и (Ш7) и учитывая, что $\neg^{[s]}(u)$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, получаем, что (Ш8) $\mid \neg \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M)$.

В свете утверждений (Ш2), (Ш3) и (Ш4) ясно, что (Ш9) $\mid (\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \mid^M = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M)$.

Опираясь на утверждения (5), (Ш1), и на тот факт, что $\mid u, \rho \mid^M \in M$, получаем, что (Ш10) $\sim^{[s+1]}(\mid u, \rho \mid^M) = \sim(\sim^{[s]}(\mid u, \rho \mid^M))$.

Из утверждений (Ш6), (Ш8), (Ш9) и (Ш10) вытекает следующее утверждение (Ш11).

(Ш11) $\mid \neg^{[s+1]}(u), \rho \mid^M = \sim^{[s+1]}(\mid u, \rho \mid^M)$.

Снимая допущения (Ш1), (Ш2), (Ш3) и (Ш4) и обобщая, завершаем доказательство индукционного шага.

Индукционный шаг доказан.

Утверждение (7) доказано.

Известно, что (8) для всякого конечного множества K конечно множество всех унарных операций на K (число всех таких операций равно k^k , где k есть число всех элементов множества K).

(9) M есть конечное множество (из (1) и (4), по определению конечной логической матрицы и по определению $L_{\&-}$ -матрицы).

(10) Множество всех унарных операций на M конечно (из (8) и (9)).

Понятно (см. утверждения (10) и (##)), что (11) существуют такие целые положительные числа m и n , что $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Пусть (12) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Используя описанную здесь двузначную семантику логики $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$, убеждаемся, что верно следующее утверждение (13).

(13) Для всякой $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценки $v \in \Phi_v^{\langle \omega, \beta \rangle}((\neg \neg^{[n]} \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))) = 1$. Опираясь на

утверждение (13) и на определение $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимой L -формулы, получаем, что (14) $(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является утверждение (15).

(15) Для всякой L -формулы A : если A есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула, то $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Разумеется, что (16) $(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть L -формула.

(17) $(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))) \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (14), (15) и (16)).

Разумеется, что (18) $(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\&-}$ -формула.

(19) $(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))) \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ (из (17) и (18), по

определению дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ и по соглашению о его обозначении).

(20) $(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q)))) \in \&\neg I_{\langle\alpha,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (2) и (18)).

(21) $(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (19) и (20)).

(22) Для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M \mid (\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$, $\tau \mid^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы M (из (21), по определению $L_{\&\neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице).

(23) τ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M (допущение).

Опираясь на утверждения (3), (7), (23) и на тот факт, что m и n являются целыми положительными числами (см. утверждение (12)), получаем, что верны следующие утверждения (24) и (25).

$$(24) \mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^M = \sim^{[m]}(\mid q, \tau \mid^M).$$

$$(25) \mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^M = \sim^{[n]}(\mid q, \tau \mid^M).$$

Используя свойства означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице M , убеждаемся в справедливости следующих утверждений (26) и (27).

$$(26) \mid (\neg(\neg\neg^{[m]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$$
, $\tau \mid^M = \sim(\mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^M \bullet \mid (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^M).$

$$(27) \mid (\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[m]}(q)\&\neg^{[m]}(q))))$$
, $\tau \mid^M = \sim(\mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^M \bullet \mid (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))), \tau \mid^M).$

$$(28) \mid (\neg(\neg\neg^{[m]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$$
, $\tau \mid^M = \sim(\sim^{[m]}(\mid q, \tau \mid^M) \bullet \mid (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^M)$ (из (24) и (26)).

$$(29) \mid (\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[m]}(q)\&\neg^{[m]}(q))))$$
, $\tau \mid^M = \sim(\sim^{[n]}(\mid q, \tau \mid^M) \bullet \mid (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))), \tau \mid^M)$ (из (25) и (27)).

$$(30) \sim^{[m]} = \sim^{[n]} \text{ (из (12)).}$$

$$(31) \mid (\neg(\neg\neg^{[m]}(q)\&(\neg(\neg\neg^{[n]}(q)\&\neg^{[n]}(q))))$$
, $\tau \mid^M = \sim(\sim^{[n]}(\mid q, \tau \mid^M) \bullet \mid (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))), \tau \mid^M)$ (из (28) и (30)).

$$(32) \quad |(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = \\ |(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^M \text{ (из (29) и (31)).}$$

Снимая допущение (23) и обобщая, получаем, что (33) для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M

$$|(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^M = |(\neg \neg^{[n]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^M.$$

(34) Для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $|(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы M (из (22) и (33)).

(35) $(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (34), по определению $L_{\&\neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице).

$$(36) \quad m \neq n \text{ (из (12)).}$$

(37) $m \neq n$ и $(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (35) и (36)).

(38) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (37)).

Снимая допущение (3) и обобщая, получаем, что (39) для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg \neg^{[m]}(q) \& (\neg \neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

Снимая допущения (1) и (2) и обобщая, завершаем доказательство леммы 2.

Лемма 2 доказана.

Докажем теорему о нетабличности $\&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ методом от противного.

(2) Существует такая конечная $L_{\&\neg}$ -матрица M , что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (допущение).

Пусть (2) M есть такая конечная $L_{\&\neg}$ -матрица, что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы

A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

(3) M есть конечная $L_{\&\neg}$ -матрица (из (2)).

(4) Для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (2)).

Опираясь на утверждение (3) и на лемму 2, получаем, что (5) если всякая

$L_{\&\neg}$ -формулы A такова, что $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в M .

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого

целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (4) и (5)).

Разумеется, что (7) p_I есть пропозициональная переменная языка L .

(8) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(p_I) \& (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \& \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (6) и (7)).

Пусть (9) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(p_I) \& (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \& \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

(10) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ (из (9)).

(11) $(\neg(\neg^{[m]}(p_I) \& (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \& \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая

в M (из (9)).

Опираясь на утверждение (4) и на тот факт, что $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, получаем, что

(12) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

(13) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ (из (11) и (12)).

Из леммы 1 и утверждений (7) и (10) вытекает следующее утверждение(14).

(14) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ является L -формулой, которая не

принадлежит $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$.

Опираясь на утверждение (14) и используя определение конъюнктивно – негативного фрагмента логики $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ и соглашение об обозначении этого фрагмента, убеждаемся в справедливости следующего утверждения (15).

(15) Неверно, что $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$.

Утверждение (15) несовместимо с утверждением (13). Следовательно, верно отрицание допущения (1).

Теорема о нетабличности конъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ доказана.

В свете этой теоремы, определения ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа и того факта, что β есть произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$, ясно, что конъюнктивно-негативный фрагмент любой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа нетабличен.

Список литературы

1. Попов В.М. Секвенциальная аксиоматизация и семантика *I*-логик васьильевского типа // Логические исследования. 2016. Т. 22, №1. С. 32-69.

СЕКЦИЯ №25.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)

СЕКЦИЯ №26.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ

Золотарева Т.Н.

аспирантка кафедры «Культурологии и естественных дисциплин»
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Проведен анализ общества с позиции онтологического учения о бытии с использованием знаний из области гносеологии. Дана оценка смысла жизни человека с позиции философских школ различных философских школ и направлений. Рассмотрена концепция основных философских школ и направлений в понимании их концепций и теоретических замыслов при решении жизненно важных проблем стоящих перед личностью в социуме.

Сделан вывод о том, что основной задачей философии в рассмотрении феномена человека и общества в их взаимодействии, является выработка теоретических условий по нивелированию общественных проблем и проблем каждого человека как представителя данного общества.

The analysis of society from the perspective of the ontological doctrine of being with knowledge of the field of epistemology. The estimation of the meaning of human life from the perspective of philosophical schools of different philosophical schools and trends. The concept of basic philosophical schools and

trends in the understanding of theoretical concepts and ideas in the solution of vital problems facing the individual in society. It is concluded that the main task of philosophy in the consideration of human and social phenomena in their interactions, is to develop the theoretical conditions for the leveling of social problems and problems of each person as a representative of this company.

Ключевые слова: общество, бытие, гносеология, антропология, социоцентризм, персоноцентризм, личность, онтология, философское мышление, мировоззрение.

Keywords: society, life, gnoseology, anthropology, sotsiotsentrizm, personotsentrizm, personality, ontology, philosophical thinking, outlook.

Общество (социум) - это та структура созданная человеком, в которой человек проживает свою сознательную жизнь. Философия занимается в своем направлении изучением общества посредством онтологического учения о подлинном бытии. Однако онтология включает в себя множественность вопросов отнесенных к бытию человека и общества. Онтология использует ряд направлений относящихся к другим разделам философского знания, например, от гносеологии она использует учение о бытии знания, аксиология предоставляет учение о бытии ценностей, антропология разработала учение о бытии человека. Если рассматривать философию через призму бытия, то она становится идентичной онтологии. Если делать акцент на источник получения познания бытия, то философия становится аналогом гносеологии.

Переход на ценности смысла жизни человека как отдельного субъекта и его принадлежность к определенному социуму рассматривается философией посредством знаний разработанных в онтологии, гносеологии, праксиологии и философской антропологии. Рассматривать данную парадигму с позиции «все - в человеке и все- для человека», то в этом смысле философия близка к антропологии. Подобные рассуждения выходят за рамки

обыкновенной игры философского воображения. Трудность рассмотрения основных философских категорий заключается в том, что они взаимопересекаются и дополняют друг друга, тем самым образуют единое целое по базовым философским проблемам. Рассмотрение любой философской проблемы можно начать с любого этапа сформировавшейся теории или философского направления. Это создает условие при котором данная проблема рассматривается на более высоком теоретическом уровне.

Методологический подход при решении определенной проблемы, который использует определенная философская школа или философ сложен и многополярен. Например, античные философы рассматривали проблему человека и общества во взаимосвязи с учением о Космосе и о месте в нем человека. Философы Нового времени, по мере углубления воззрений гносеологии, в философской теории общественной жизни рассматривали вопрос о том, как мы знаем социальную реальность, это послужило появлению науки в качестве отдельной под названием социология. В это же время от философии отпочковывается наука культурология, имеющая свой познавательный аспект. В последствии от философии отделилось ряд наук, таких как экономика, политология, ряд правовых и общественных наук, имеющих в настоящий период времени особое значение в жизни общества и развития государственных органов власти.

Среди перечисленных новых наук особое место занимает проблема человека, относящаяся к антропологическим вопросам. В античное время эта проблема была теоретически связана с вопросом по устройству Космоса и систематизации мироздания.

Эпоха Нового времени по иному ставит вопрос познания человека с позиции мирового бытия и сущностного подчинения ему. Кроме того, философия Нового времени иначе разработала проблему человека в решении наиболее значимых проблем возникших в философских школах и направлениях. Актуальность проблемы человека, прежде всего связана со сложностью и многоаспектностью философского мировоззрения, с другой

стороны нерешенность проблемы человеческого бытия. На наш взгляд, именно в этот период времени философы первыми осознали ту глубину социальных противоречий и антропологических катастроф, которые проявились в начале XX века в странах Европы.

Если провести анализ предыдущих исторических эпох, то можно определить своеобразную логическую направленность проблем порожденных жизненными обстоятельствами. Среди этих проблем, наиболее значимым являются вопрос об устройстве внешнего мира с уяснением жизненно-практических обстоятельств связанных с развитием общества. Эта проблема своими истоками «уходит» в детство человека, ведь индивидуальность ребенка начинается с постижения сущности вещей и предметов окружающих ребенка в их взаимосвязи.

С возрастом человека расширяется его мировоззрение, посредством сознания отражающее формы личностного индивидуального и коллективного опыта. Это означает, что окружающий мир видится человеку таким, каким отражаются наши знания о нем и как он предстает в границах наших ценностей и практической деятельности человека. В этом контексте наши рассуждения могут развиваться по двум направлениям.

Первое направление относится к «совокупности общественных отношений» разработанных К. Марсом и Ф. Энгельсом через призму социальной природы человека. Второе направление в рассмотрении сущности человека полагает то, что человеческая сущность не является атрибутом внешнего состояния конкретного человека как личности. Человек как природное существо отражает в себе не только факторы воздействия внешней среды, но и мировоззренческую позицию связанную с определённой самобытностью конкретного человека.

Таким образом, подобный синтез может быть чем-то преопределенным, содержащим признаки чего-то более значимого в личностном мировоззренческом аспекте. Тем самым, первая точка зрения получила название социоцентризма, вторая персоноцентризма.

Персоноцентризм, как философское течение был развит экзистенциализмом, опирающимся на уникальность и всеобщность понятий истинности бытия человека носящим иррационалистический характер. На протяжении многих столетий по объединению различных философских и конкретно-научных представлений о сущности человеческого бытия не приводило к положительному результату. В современной философии попытка подобного объединения обрела свои конкретные очертания в философской антропологии полностью ориентированной на доминанту разума в широком его применении в структуре «человек – общество – государство».

Значимость и инвариантность философии антропологии не дает основание рассматривать данную категорию в рамках обособленной философской теории. Указанная нами точка зрения в данной статье, заключается в том, что философия в каждой эпохе со свойственной ей особенностью рассматривает человека с позиции его мировоззренческого аспекта, определения ценностей в познавательной и практической деятельности. В данном случае философия выступает как наука базирующаяся на имеющихся знаниях, об убеждениях и мировоззрениях формирующих личность. Философия антропологии пытается теоретически помочь человеку обрести оптимальный мировоззренческий взгляд. Несмотря на то, что философия включает в себя множественность течений, направлений, школ это не может служить препятствием к формированию мировоззренческой позиции определенной группы людей и конкретной личности в частности.

Философия выступает теоретической основой светского мировоззрения опирающегося на многополярность жизненных позиций, разнообразных интересов человека направленных на решение конкретных жизненных ситуаций и оценка собственных действий. Указанные позиции, как показала практика, являются основой объединения большинства социальных групп и слоев.

Философские учения, формулирующие их жизненные устремления и интересы в большинстве случаев не совпадают с точкой зрения авторов рассматриваемых эту проблему. Несмотря на это указанные учения являются основой идеологической функции способствующей формировать у человека собственное осознание принадлежности к определенной группе людей и выбор вектора в достижении поставленных целей. Идеология как философская категория, является прежде всего постигнутой духовной интеграцией человека во всеобщие сферы интересов человека. Основные законы многих развитых государств определяют свободу деятельности любой политической партии, религиозных и общественных объединений, не указывая при этом обязательность любой из них, в качестве обязательной для граждан. Однако это не означает, что многообразность мировоззренческой и идеологической позиции различных социальных групп не должно разъединять общество, а напротив должно содействовать укреплению мира и согласия между различными группами людей в их общественных отношениях.

Большинство философских учений о человеке определяют место человека с уровнем его образования, так как философская школа отстаивает собственную теорию по решению определенных проблем которые в повседневной жизни решает человек повышая свой культурный уровень в конкретном обществе. Многие философы индивидуально рассматривают социальные проблемы с которыми сталкивается человек и его окружение.

Различные позиции философов на эти проблемы так или иначе дополняют друг друга и формируют у человека установленную обществом и государством общепризнанную позицию. Это еще раз подтверждает необходимость образования личности для повышения культуры общества и обретения полезности в коллективном бытии.

Стабильность общества и государства основано на многополярной структуре жизни общества. Общество является союзом людей, которые по взаимному согласию устанавливают нормативные и социальные правила в

сфере экономики, права, политики и др. Существует опасность уровнять образованную личность с общепринятыми нормами и правилами поведения людей сложившимися в конкретном обществе и в конкретный период его существования. Решение этой проблемы, на наш взгляд основывается на том, чтобы дать личности свободно развиваться в границах собственного бытия.

Существование образованной личности в обществе ни в коем случае не должно нивелировать ее к тем условиям которые сложились в определенном обществе. В своем развитии личность должна существовать как самостоятельный субъект опирающийся на собственную стратегию бытия. Но существует субъективизм не верного понимания роли образованной личности в жизни общества и человека. Жизнь отдельного человека так же разнообразна как и сам человек с его внутренним миропониманием. Данная особенность связана с тем, что каждый человек проживает свою жизнь сообразно с собственной точкой зрения выраженной в понятийной форме и представленной конкретным философским учением.

Для познания основных философских школ и направлений необходимо понять их концепции и теоретический замысел решения жизненно важных проблем стоящих перед личностью в социуме. Философия в этом контексте выступает эталоном мышления, которая представляет направление в сфере наших рассуждений и действий, не делая ориентацию на мнение представителей общества в котором находится человек. Умение философски мыслить предполагает принятие ответственности субъекта за собственное мировоззрение и за ответственность последствий поступков являющихся результатом философских умозаключений конкретного человека.

В этом направлении философское мировоззрение предполагает широкий диапазон человеческой деятельности и отдавая предпочтение мировоззренческому отрефлексированному мышлению. В этой области философское мировоззрение основывается на общепризнанных произведениях искусства, научных теориях, политических и религиозных концепциях. Философское мышление полагает использование

мировоззренческих основ, учитывающих различные сферы деятельности человека в науке, искусстве, политики, экономики, религии и иных сферах хозяйственной деятельности. В связи с этим философия определилась по востребованным новым направлениям современности, таким как философия искусства и философия техники, философия науки и философия религии, философия права и философия хозяйства.

Таким образом, постижение и применение актуального философского учения сопряжено с ясностью в понимании собственных возможностей и решения жизненно необходимых задач в различных сферах бытия и сопоставления его с иными теориями, для правильного принятия перспективных форм реализации жизненного бытия человека.

Наряду с подобным осознанием бытия человека появляется необходимость в умении определить пределы мировоззренческой концепции основанной на определенном направлении. Необходимо чтобы постигаемое человеком философское учение принадлежало не только к культуре общества, но и к духовным особенностям человека как представителю конкретного социума в понимании конкретной философской теории во всей ее сущности.

Подводя итоги краткому философскому исследованию социальной проблемы человека в общественной жизни можно сделать вывод о том, что философия выступает как творение рук человеческих. Основной задачей философии в рассмотрении феномена человека и общества в их взаимодействии, является выработка теоретических условий по нивелированию общественных проблем и проблем каждого человека как представителя данного общества.

Список литературы

1. Вико, Дж. Основания новой науки о всеобщей природе наций. –

М., Киев: REEL-boobHCA, 2009.

2. Виндельбанд, В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 2008.
3. Вольтер, Ф. М. Философские сочинения. – М.; Наука, 2008.
4. Вригт Г. Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. – М.: Прогресс, 2006.
5. Гайда А. В. «Неомарксистская» философия истории: критический анализ. – Красноярск, 2006.
6. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. – М., 2007. – № 7.
7. Золотарев, С.П. Проблема универсализации либерализма в обществе // Социально-гуманитарное знание. – 2011. – №10.
8. Золотарев, С.П. Проблема интеграции права и свободы в современном обществе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2011. – №3.
9. Калинин С.Б. Научно-методологическая проблематика в исторических исследованиях: вопросы методологии.// «Научная мысль Кавказа». Приложение. № 4. 2006.- С.5-12.-0,5. п.л. (Изд. ВАК)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА В РОССИИ

Шматков Р. Н.

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

В данной работе выполнен социально-философский анализ проблем качества образования работников транспорта в России. Показано, что качество образования работников транспорта является основой национальной безопасности России как с момента основания транспортной системы, так и в современный период. Выделены основные проблемы

качества современного образования будущих работников транспорта и предложены пути их решения.

Ключевые слова: *транспорт, качество образования, национальная безопасность.*

Еще до момента основания транспортной системы единого Российского Государства она играла решающую роль в обеспечении национальной безопасности. Предки славян – скифы, чтобы сдерживать агрессию соседей-кочевников и заморских «гостей» (персов, греков, римлян) контролировали свои транспортные артерии – дороги и реки. На дорогах и в приграничных областях ими устраивались засеки – толстые деревья рубились на высоту человеческого роста крест-накрест, стволами в сторону противника, сучья заострялись, образуя непроходимую преграду для пехоты и конницы врага. Проходы в засеках контролировались летучими отрядами, нападавшими на врага из засад и наносившим ему значительный урон. Реки контролировались отрядами, погруженными на ладьи и несшими постоянное наблюдение за прибрежной зоной и судоходными местами. Эту тактику контроля и защиты транспортных артерий переняли от своих предков славяне – основной этнос современной России. Известно много примеров из истории России, когда контроль и защита транспортных артерий приводили к победе над иноземными захватчиками. Так, например, дозор Пелгусия вовремя обнаружил шведский флот, входящий в устья Невы, что способствовало блестящей победе юного князя Александра, прозванного в честь нее Невским, над непобедимой доселе шведской ратью. Главнокомандующий русскими войсками светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов, осуществляя контроль и оборону дорог, по которым двигались разношерстные войска Наполеона, способствовал скорому поражению и изгнанию захватчиков из России в 1812 г. В последствии, когда возник новый вид транспорта – железнодорожный, он сразу же обрел поддержку в «высших эшелонах» российской власти, что способствовало его бурному развитию. Известно, что Император Николай I придавал большое

значение строительству и содержанию железных дорог в России. Именно по его указу железнодорожная колея в России была учреждена шире, чем в Европе. И основная причина, которой руководствовался при этом решении Император, была именно национальная безопасность – чтобы в случае нападения на Россию агрессоры не могли свободно пользоваться ее железными дорогами и оперативно перевозить по ним войска в центр Державы. Великое предвидение Николая I в обеспечении транспортной безопасности российских железных дорог привело к тому, что почти через 100 лет после подписания его указа, когда на Советский Союз набросились гитлеровские полчища, различие в ширине европейской и российской железнодорожных колеях существенно замедлило продвижение гитлеровцев в глубь России. В первый день вторжения, 22 июня 1941 г. (75-летие этой печальной даты мы отметили в этом году), гитлеровцы вообще не смогли использовать наши железные дороги. А ведь именно на внезапность в первый день войны и был основной расчет гитлеровских стратегов, разработавших план «блицкрига». Когда немецко-фашистские войска подходили к Москве, ввиду нехватки локомотивов, приспособленных под российскую колею, группа армий «Центр» получала только треть грузов из планируемых к перевозке по железным дорогам, что способствовало победе наших войск в Московской битве, развеявшей миф о непобедимости вермахта.

Транспортное образование в России получило свое начало в XVIII в., когда при Петре I была основана система российского образования. Сперва московская школа математических и навигационных наук (1701 г.), затем Морская академия в Петербурге (1715 г.), и уж потом сеть инженерных училищ покрыла всю страну. Первое железнодорожное училище было открыто в Ельце в 1869 г. Выпускники этого и других училищ прославили свое имя на строительстве Транссибирской магистрали. В дальнейшем железнодорожные училища возникли во многих губернских городах, а с начала XX в. стали возникать транспортные вузы. В Новосибирске транспортный вуз (Новосибирский путейско-строительный институт

инженеров железнодорожного транспорта) возник в 1932 г. на основе путейско-строительного факультета Сибирского института инженеров транспорта, расположенного в Томске. В 1934 г. он был реорганизован в Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ), самим названием подчеркивая свой вклад в национальную безопасность нашей страны. В годы Великой Отечественной Войны выпускники и студенты НИВИТа и других транспортных вузов нашей страны внесли неоценимый вклад в победу над лютым и беспощадным врагом всего мира – германским фашизмом. Воины-железнодорожники, как правило, последними оставляли города, взрывая за собой мосты и пути, но первыми входили в них, восстанавливая инфраструктуру. По окончании Великой Отечественной Войны транспортные вузы сыграли ведущую роль в подготовке высококвалифицированных специалистов для восстановления разрушенного войной хозяйства, выход а нашей страны в космос и формирования ракетно-ядерного щита нашей Родины. В современный период качество образования работников транспорта носит исключительно важный характер в формировании конкурентноспособной экономики и модернизации транспортной отрасли [1–5], что способствует осуществлению стратегических целей развития нашего государства и обеспечивает национальную безопасность России.

Постановка задачи. Система качества российского (в том числе и транспортного) образования представлена на следующем рисунке.

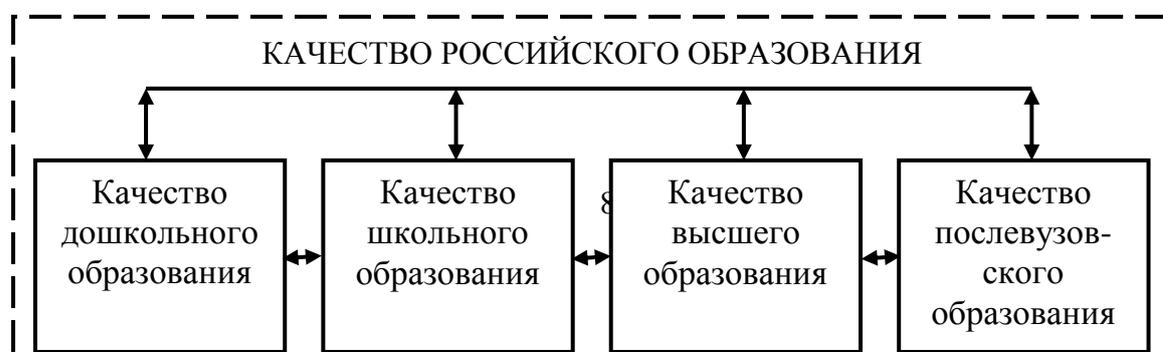

Рисунок. Социальная система качества образования в России

На каждой ступени системы качества образования возникают свои проблемы [6]. Можно выделить следующие причины снижения качества образования на каждой ступени.

Причины снижения качества дошкольного образования.

1. Нехватка детских садов и дефицит мест в них.
2. Пассивность образовательно-воспитательной функции родителей в малый возрастной период.
3. Снижение квалификации работников дошкольных образовательных учреждений.

Причины снижения качества школьного образования.

1. Снижение общего уровня квалификации учителей.
2. В учебных программах уменьшено количество часов по естественнонаучным дисциплинам, в частности, по математике и физике, практически отсутствуют учебные часы по астрономии.
3. Общая учебная нагрузка российских школьников растет, что негативно сказывается на их здоровье.
4. С 13 лет школьники начинают курить, активно употреблять алкоголь, и даже наркотики, а к 14–15 годам значительная часть из них попадает в зависимость от этих пагубных пристрастий.
5. Коренным образом изменилась процедура итоговой аттестации школьников (ОГЭ и ЕГЭ).

Причины снижения качества вузовского образования

1. Низкий уровень базовых знаний при поступлении.
2. Деидеологизация и деполитизация современного образования.
3. Отсутствие единой образовательной доктрины качества образования.

Метод решения задачи. Ввиду ограниченного объема статьи, метод решения всех перечисленных выше проблем вкратце может быть сведен к следующему – разработка и последовательное внедрение доктрины качества транспортного образования на всех образовательных уровнях – от дошкольного до послевузовского.

При этом необходимо разработать четкие критерии качества транспортного образования, которые должны отличаться от набора компетенций, предлагаемых современными образовательными стандартами и носить системный всеобъемлющий характер, поскольку набор компетенций, в силу своей ограниченности, не способен сформировать цельную личность. Особое внимание необходимо уделить уровню дошкольного образования, поскольку именно на этом уровне у человека наиболее развиты познавательные способности и существует искренний интерес к получению новых знаний. К 3 годам мозг человека достигает 70 процентов от объема взрослого, а к 7 годам его основное формирование заканчивается. Но важнее всего на этом этапе не «отбить» у ребенка желание осваивать новое и получать новые знания, а развить в нем эту потребность. В этой связи предлагается создавать профильные группы в детских садах, а затем – профильные классы в школах, где будет вестись подготовка будущих работников транспорта с самого раннего возраста. Такая профильная подготовка положительно зарекомендовала себя в быстрорастущих экономиках дальневосточных стран (Япония, Республика Корея, КНР, Тайвань, Сингапур).

Анализ полученных результатов. Результаты, полученные при разработке и внедрении доктрины качества транспортного образования на всех образовательных уровнях не заставят себя долго ждать. Они будут проявляться последовательно на каждом образовательном уровне и полностью дадут колоссальный экономический эффект по истечении 20 лет, когда придут в транспортную отрасль молодые специалисты, выращенные с 3 лет до окончания транспортных вузов. Это будут мотивированные,

грамотные и высококвалифицированные специалисты, патриоты своей специальности, которые будут в дальнейшем формировать здоровые транспортные династии. Конечно, кому-то из читателей может показаться столь длительным процесс «получения плодов», но если исходить из системного подхода, то необходимо совершенствовать качество транспортного образования системно, а не разрозненно пытаться исправить отдельные его элементы. Только стабильная, а не эпизодическая работа в области качества транспортного образования способна принести ощутимые плоды и будет вести к его перманентному усовершенствованию.

Практическое приложение результатов. Результаты разработки и внедрения доктрины качества транспортного образования на всех образовательных уровнях будут иметь самое широкое практическое приложение в системном совершенствовании транспортного образования в России и обеспечении ее национальной безопасности.

Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В современный период качество образования работников транспорта способствует осуществлению стратегических целей развития нашего государства и обеспечивает национальную безопасность России.

2. При исследовании качества современного транспортного образования в России выявлен ряд проблем, основной из которых является отсутствие системной доктрины качества транспортного образования на всех образовательных уровнях.

3. Разработка и внедрение системной доктрины качества российского транспортного образования на всех образовательных уровнях будет способствовать перманентному усовершенствованию транспортного образования и внесет весомый вклад в обеспечение национальной безопасности России.

Список литературы

1. Шматков, Р. Н. Аксиологические аспекты проблем качества высшего профессионального образования в условиях рынка // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 24. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. С. 68–81.
2. Шматков, Р. Н. Значение методологической функции философии образования при анализе реформ отечественного высшего образования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. Вып. 25. С. 67–75.
3. Шматков, Р. Н. Антикризисное управление экономикой путем формирования интеллектуального капитала работников // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2012. Вып. 27. С. 127–131.
4. Шматков, Р. Н. Диалектика качества общего и профессионального образования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2013. Вып. 29. С. 158–164.
5. Шматков, Р. Н. Инновационные методы подготовки школьников к итоговым государственным экзаменам, направленные на повышение качества образования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2014. Вып. 31. С. 226–229.
6. Шматков, Р. Н. Основная причина кризиса российской экономики – кризис качества воспитательной функции образования // Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 45–48.

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

СЕКЦИЯ №28.

**ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современных общественных наук», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы и достижения в общественных науках», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы общественных наук в мире», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «О вопросах и проблемах современных общественных наук», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Новые тенденции развития общественных наук», г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы общественных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

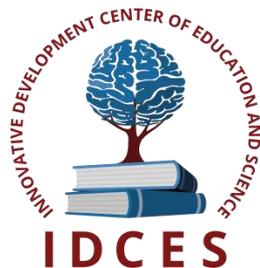
Декабрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных общественных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

Новые тенденции развития общественных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 августа 2016г.)**

**г. Ростов-на-Дону
2016 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.08.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,2.
Тираж 250 экз. Заказ № 86.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58